

Краткое содержание

Русские хотят арендовать Ханко для устройства нефтяного и газового терминала, а взамен финны получают в аренду Терийоки для устройства международного университета. Эта основная линия произведения осуществляется в ходе и на фоне множества переговоров, в т.ч. между чиновниками Евросоюза

Я бы сказал, что для понимания основной сюжетной линии достаточно глав 3, 6, 8, 9, 11, 13, 15, 17 и эпилога; остальное – скорее общая ситуация.

Основные действующие лица

Матти Пуйкко – предприниматель, член правления семейной фирмы Ао Пуйкко

Пекка Каппа – адвокат в офисе Матти Пуйкко.

Василий Виссаров – банкир, имеет дачу в Терийоки и два вертолёт.

Палле Хиекка – госслужащий, универсал, лоббист (теневой деятель), дружит с Василием Виссаровым.

Бу Коркман и Свен Флакман – председатели муниципалитета и муниципального совета г. Ханко.

Мира Голубка – ассистент В.Матвиенко по иностранным делам, дочь прежнего начальника В.Путина в Восточном Берлине.

Лассе Лехтинен – представитель Финляндии в Европарламенте.

Жан и Ганс Гёттингер – представители Франции и Германии в Европарламенте.

Премьер-министр и Министр финансов Финляндии.

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ (составил А.К.Молчанов)

Гл.1, сс.5-22. Матти Пуйкко – потомственный предприниматель в фирме Ао Пуйкко, основанной еще его дедом. Сейчас фирма производит футляры для мобильных телефонов. Имеет дачу в Ханко. Мечта Матти – любоваться морем со смотровой башни.

Гл.2, сс.23-37. Матти собирается срубить липы, загораживающие ему вид на море, чтобы построить на их месте смотровую башню. Прилетает банкир Василий на двух вертолетах (во втором телохранители). Василий хочет приобрести земли у Ханко, чтобы построить аэродром. Матти Пуйкко нанимает адвоката Пекку Каппа. Палле и Василий – друзья .

Гл.3, сс.38-49. Бу Коркман и Свен Флакман за вечерним пивом обсуждают распродажу участков государственности, в т.ч. берега. В Ханко на двух вертолетах прилетает Василий Виссаров с телохранителями. Василий и Палле говорят о создании международной дачной территории. Василий хотел бы купить Ханко, но можно лишь арендовать.

Гл.4, сс. 50-56. Свен и Бу за виски обсуждают текущие проблемы. Решив, что кое-чем займутся богатые из Хельсинки, обсуждают вопрос с рабочей силой. Для Матти лесорубы срубят липы перед его домом. К месту правонарушения прибывает полицейская машина, появляются и «отцы города» Свен и Бу. За порубку назначается штраф и требование посадить новые липы.

Гл.5, сс.57-76. Василий с Палле говорят, что в мире хвалят финское образование, и можно бы создать здесь финский университет. Палле звонит Пекке, чтобы он подыскал место. Пекка изучает карту продаваемых прибрежных участков. Матти и Пекка говорят о смотровой башне для Матти. Пекка должен получить разрешение на строительство смотровой башни для Матти.

Гл. 6, сс. 77-97. На террасе ресторана сидит Мира, которой поручено найти в Финляндии гавань, пригодную для нефтяного терминала. Мира достаточно владеет финским языком, изучала торговлю в Женеве и право в Лондоне. Мира видит Матти, который звонит своему брату Юсси, и удивлена, что здесь бизнесмен без телохранителей и так открыто говорят о бизнесе. На машине подъезжает Василий с телохранителями. Появляется Палле. Василий говорит Палле, что на берегу много незастроенных участков, можно купить и начать строить. Палле отвечает, что нельзя – тут заповедник для птиц. Мира понимает, что он здесь примерно по тому же делу, что и она.. Василий заметил Миру и заговаривает с ней.

Гл.7, сс.98-106. Тайно совещаются премьер-министр и министр финансов. Выборы на- носу, а обещание покончить с безработицей не выполнено. Что такое «Северное простираие» - вообще непонятно. К разговору подключаются французский и немецкий представители Жан и Ганс. Обсуждается, где взять еще миллиард. Министр финансов звонит секретарю председателя парламента – не даст ли Брюссель еще миллиард под «Северное измерение» и приграничное сотрудничество с Россией? Обсуждается разница в уровне жизни с Россией.

Гл.8, сс.107-116. Мира докладывает В. Матвиенко результаты своего обследования. Трудно решить, какая гавань наиболее пригодна под нефтяной и газовый порт. Однажды Матвиенко сказала Мире, что не было такого дела, которое ей не удавалось бы решить за пять минут; а его не удаётся даже объяснить за пять минут, то его не стоит и слушать (в коридорах Горсовета так и говорили: «Валентина – пять минут»). Матвиенко прочла записи Миры за 3 минуты. «Мира, говори прямо, а не как юрист» - «Устройству терминала препятствуют «зеленые». Если мы сразу заговорим о расширении порта, они будут нервничать, так как полагают, что наши порты хуже чем у них. Следует **монолог Матвиенко (111-113)**. Мира: «Кто финансирует проект - мы или они?» – «Если мы с тобой будем действовать верно, профинансирует Европейский союз. Деньги пойдут нам, и мы используем их как захотим. Если надо, Владимир [Путин] откопает в архивах документы, которые напомнят противящемся парламентариям старые добрые времена.»

Матти вернувшись из Хельсинки в Ханко, размышляет: «Башню не удаётся построить; Ханко – хороший порт, жаль, что я не купил мыс Туллиниemi – в Ханко построили бы порт для товаров; питерская девочка, что была здесь неделю назад, тоже заинтересована в гавани, она предлагала Матти сотрудничество, но мне-то нужна не гавань, а башня...». Матти звонит Мире, она готова встретиться с ним в Петербурге.

Гл.9, сс.117-135. «Отцы города» Ханко дали понять, что Матти не получит разрешения на строительство башни. Пека осторожно выясняет, можно ли купить гавань Ханко или часть Туллиниemi. Бу обрадовался было - город разбогатеет, но затем подумал, что потом можно будет продать дороже. Обсуждается возможность создания в Ханко университета на купленном участке.

/Отрывок 5, сс.122,123/ Матти едет в СПб, в поезде встречает Палле, который едет в Терийоки к Василию. (с.125). Палле приглашает Матти на день к Василию. (с.129) За 2-м графином водки разговаривают о Василии. «Что он делает?» – «Владеет.» – «Чем?» – «Много чем, во всяком случае, банком то есть немного участвует во всём.» – «И в университете тоже?» - Матти вспоминает об идее создания международного университета в Финляндии. – «Поговори об этом с Василием, у него друзья по всему свету.» Матти, глядя в окно: «Вот Терийоки – новые дачи на окраинах.». Большая старая узорчатая дача. У нескольких новых и пары старых дач – башни. Матти вздыхает: «Здесь можно строить башни, а в свободной Финляндии нельзя; вон те дома – совсем, как в Ханко.»

Гл.10, сс.136-154. Лехтинен за кофе на террасе на Гранд-платц в Брюсселе. К нему присоединяется Жан: ««Северное измерение» – что это такое?» Лехтинен сам не знает, но отвечает: «Это программа для всех стран севернее Альп и Пиренеев. Лехтинен: «Франция будет опорой в Северном измерении» – «А что включает «Программа сотрудничества

приграничных территорий?»» – Лехтинен: «Название маскирующее. В России ситуация неопределенная, и если они не могут влиять на нас, то, возможно, мы повлияем на них. Вступая в ЕС, мы должны расширить торговлю с Россией, получая от нее природные ресурсы»

/ОТРЫВОК 6 с.143,144/ Премьер и Минфин говорят о пенсионерах, о Северном измерении – надо просить у ЕС финансирование – получим новую программу... Матти и Мира в грузинском ресторане в Петербурге. Мира старается заинтересовать Матти строительством порта в Ханко Матти размышляет о перспективах сотрудничества.

Гл. 11, сс.155-177. Жан и Ганс пытаются понять, что такое «Северное измерение». Об этом же размышляет и Лехтинен.

Пекка звонит Палле в СПб, что покупки участка на берегу моря не предвидится. Присутствующий тут Василий замечает, что в Финляндии, мол, ничего нельзя, не переместиться ли с этим в Россию? Палле просит Пекку подготовить бумаги на создание университета и послать в министерство образования .

Бу и Свен обсуждают, как спасти Ханко. Севернее есть мелкие участки, которые можно продать. Но трудно привлечь сюда промышленников.

Мира и Матти едут в Терийоки, где Мира заказала стол в прибрежном ресторане. Матти оценивает Миру – ее возраст, одежду, нет ли финских корней. Мира оценивает Матти и его бизнес. Мира : «Не хочешь ли купить дачу в Терийоки?» В Терийоки Мира проехала по улице, остановилась перед домом, обошли его. Матти интересуется старым домом, фотографирует его. Мира звонит своему секретарю, прося достать чертежи примерно такой «кружевной» дачи конца XIX в, но непременно с башней и послать юристу Пекке Каппа. Матти доволен, они едут в ресторан.

Гл. 12, сс. 178-200. Лехтинен узнал, что Пуйкко едет в Петербург. Звонит ему, предлагая наметить для ЕС стратегию научного сообщества. Матти соглашается при условии, что это будет высшая школа, вроде «Силиконовой долины».

В ресторане Матти говорит Мире об этом предложении. Мире хочется очаровать Матти. Из ресторана Мира и Матти направляются к даче Василия.

Василий и Палле едут в автомашине к Терийоки, говорят о бизнес-планах, о создании ВУЗа, примерно, как в Тарту; что шведов финны интересовали лишь как пушечное мясо, а при русских Ханко стал городом; Россия стала ценным торговым партнёром; надо бы создать рекламу проекту университета.

Свен и Бу составляют 5-летний план развития города. Они хотят оставить Ханко прежним. Получают письмо – Музейное управление просит сохранить в Ханко старые дачи, привезенные из Терийоки; прилагаются чертежи дачи с русскими надписями, трехэтажные и с башней. Шведы недовольны: «С Востока лишь проблемы».

Гл. 13, сс. 201-219. Палле посвящает Матти в планы Василия. Можно бы увязать планы Василия и Матти. Палле описывает Матти друзей Василия, которые скупили дачи и устроили своих детей в международный лицей. Матти: «Это всё мафиози?» Палле: «Это коммерсанты разных национальностей. Они сделали Финляндию местом своих встреч. Василий хочет создать международный университет с кампусом (студенческим городком) в Ханко.» Мира рассказывает Палле о проекте порта. «В России готовят хороших математиков. Не увязать ли газовый порт с Петербургским университетом?» . Если Мира поможет нам с Университетом в СПб, я помогу ей с портом.– «Я не против.» Входят Палле и Матти. В саду за «дринк». Мира спрашивает Василия: «что за проект у Вас с Ханко?» – «Просто я смотрел с Палле участки для нашего проекта Пелькосенниemi.» – «Весь Петербурге говорит об этом, и Путин взял бы дачу там.» – «Мы построили бы там центр отдыха, а рядом Университет. Но это трудно – там заповедник для птиц.» – «Давайте карты на стол и сделаем общий проект» Согласие достигнуто, мужчины идут в бар, а Мира приглашает Матти на берег моря прогуляться.

Гл. 14, сс. 210-243. Через несколько недель Матти едет в Киуру встретиться с отцом Аапо. Вспоминает проект модернизировать Ханко как порт для России – отец одобряет. Рассказывает о поездке в Петербург, что Мира скоро приедет к Матти решает написать Линусу Торвальдсу.

В Брюсселе Лехтинен просмотрел программу, добавил к сумме расходов еще ноль, украшающие фразы и еще кое-что, от чего потом можно было отказаться. Просит перевести на французский и немецкий и отправить этим представителям. Ганс обдумывает стратегию разговора с Жаном («ведь политика – это меновая торговля, надо найти, что предложить взамен»), а также возможные действия представителей других стран. Совещается немецкий и французской представители, - не вызовет ли проблем разница в уровнях жизни, что русских более 100 млн., а финнов лишь 5 млн.; соглашение отмечают трапезой в ресторане.

Министр финансов и Премьер-министр обсуждают новый список финского гос.секретаря Раймо Сайласа .

Пекка в офисе. Входят Палле и Матти – говорят, что в Ханко университета не получится – надо в Петербурге, но никакой юрист не допустит ни газового терминала в Ханко, ни университета в СПб; нельзя бюджет приграничных областей передавать из Финляндии в Россию. Уходя, Матти говорит, что надо бы сказать это Мире, она тоже юрист.

Гл. 15, сс. 244-262. Мира на утреннем совещании у Матвиенко, обсуждается аренда Ханко. Есть противники «распродажи Родины»; панслависты, охраняя русское ноу-хау, возражают против сотрудничества университета с фирмой Пуйкко. Но аренда Ханко одобрена. /ОТРЫВКИ 1, 2 с.245-247/ Мира составляет программу. К финнам пойдет газ!

Лехтинен в Брюсселе за утренним кофе. Надо просить субсидии для Финляндии. Ганс, в общем, согласен, что на «Северное простираие» и научное сотрудничество нужны деньги. Надо обратиться к французу – француз будет рад сговориться с русскими за спиной у немцев.

Лехтинен получает 2 шифровки – в одной просят лоббировать так, чтобы субсидии сельскому хозяйству не снижались, в другой – от премьер-министра – чтобы их урезали. «Можно бы один год урезать, другой – прибавить, но лучше вообще ничего не делать».

Премьер-министр встревожен: в Брюсселе говорят, что субсидии малым странам, членам ЕС будут урезаны из-за расширения проекта, в том числе субсидии Финляндии – тогда он вряд ли останется премьером. Это же мучает и Министра финансов – демократы могут выйти из парламента. Он поручает Лехтинену лоббировать так, чтобы срезали субсидии лишь за счет сельского хозяйства .

Палле в своём офисе изучает карту в поисках участков для продажи – не удаётся найти участка ни Василию, ни для Университета, ни для дачных участков. Матти едет в Киуру поговорить в отцом – тот говорит, что не даст денег на университет. Пекка выясняет, что вести газопровод через Финляндию не столь уж трудно Для организации независимого университета законных препятствий нет, но практически это неосуществимо.

Василий Виссаров в Терийоки сидит в задумчивости. Препятствий проекту нет, но стоит настораживающая тишина, и еще нужно увязать оба проекта.

Гл. 16, сс. 263-286.

Отец пробурчал Матти, что идея сдать Ханко русским ужасна. Матти решает, что ему лучше не ввязываться в проект и что Мире надо бы прибыть в Ханко как представителю Путина или хотя бы Матвиенко. Матти отправлен в Ханко к «отцам города» Свену и Бу – один, без Миры. Шведы вообще против русских, тем более против их газопровода через всю Южную Финляндию и, отказав, вышли из комнаты, хотя для пополнения бюджета газовый терминал в Ханко был бы лучшим решением. В Доме города Ханко составлена заказанная юристам отписка Музейному управлению на 20 страницах о недействительности чертежей, составленных чужими властями, и что надо доказать, что дома перенесены без изменений.

Лехтинен понял, что Финляндия всё же получит субсидии для сельского хозяйства. Смешно, что люди получают деньги за то, что оставят землю незасеянной. Лехтинен звонит Палле Хиекка, прося качестве услуги за услугу подтвердить, если понадобится, что

университеты Гейдельберга и Сорбонны должны подтвердить результаты нового университета. Решили звякнуть Василию в Терийоки. Палле изложил Василию в Терийоки пожелание Лехтинена, Василий охотно соглашается, - ему звонили из Кремля, что дело одобрено и в Москве и в Киеве. В Брюсселе Лехтинен принял представителя Германии Ганса, который остался доволен разговором с прежним «братом по оружию». Что касается «Программы приграничных территорий», то Финляндии субсидий не будет. Лехтинен послал Премьер-министру и Министру финансов e-мэйлы, об отмене субсидий, Палле – шифровку, что всё в порядке. Настроение Премьер-министра еще более ухудшилось, когда пришел Палле – Премьер-министр заявляет, что в Финляндии больше не нужно университетов, тем более частных.

Гл. 17, сс. 287-303. Премьер-министр, читая сообщение Лехтинена, ругался. Министр финансов – тоже.

К Палле входит Василий, вынимает поллитровку и две стопки с гравировкой «В память основания Терийокского университета»: «Произошло неожиданное. В Ханко не получается, но всё наладится, если вы арендуете у нас, и это будет часть Финляндии. Тут и участки мне и друзьям, и рядом университет.» – «Вроде, запускается проект «Карелию обратно!»» – «Возьмём немного земли от Кивеннапы, хватит места и для университета и для кампуса (студенческого городка). Профессора днём учат в Петербурге, а к вечеру на трамвае поедут в Терийоки. Палле сообщает Премьеру, что Терийоки сдаётся в аренду Финляндии. Цену можно предложить умеренную. ЕС оплатит это за счет газа из Сибири.

Через несколько недель Лехтинен из Брюсселя позвонил Палле: «ЕС срезает субсидии Финляндии, что теперь делать и когда?». Палле: «Дела в порядке – будут присланы выдержки с новостями из выходящих вскоре газет. Палле сразу звонит Матти, чтобы приступил к осуществлению проекта газопровода и послал брата Юсси к Василию договориться о сотрудничестве. Согласуются детали запускаемого проекта. Матти объясняет отцу Аапо возможную роль фирмы Пуйкко в организации университета, аренде Терийоки и превращении Ханко в газовый терминал и уговаривает отца участвовать в деле. Отец Аапо даёт финансовую поддержку проекту.

Гл. 18, сс. 304-329. В Moscow News появляются статьи: 1) В России ожидается небывалый урожай 2) Дума одобрила создание профсоюза нефтегазового профсоюзе Сибири 3) Матвиенко сообщила, что в Петербурге создана станция по очистке сточных вод.

Каппа предлагает сделать Терийоки зоной свободной торговли, а с проживающих и работающих там взимать налог на оплату аренды и строительство в Терийоки.

Матти с Мирой едут в Ханко к «отцам города» с доверенностью от Путина на экспорт газа и Матвиенко относительно сточных вод. По пути все общины соглашаются на проведение газопровода по их территории.

В Ханко расширяются связи с Петербургом, приходится и разрешить Матти строить башню. Составляются дополнительные договоры. Получено письмо от Музейного управления – чертежи из Петербурга соответствуют дому, в котором они сейчас находятся!

В это время Палле у премьер-министра, который соглашается на аренду Терийоки. Обсуждается аренда Терийоки. Из Брюсселя сообщают о признании Терийоки свободным городом, премьер-министр лишь благодарит за сообщение.

В Брюсселе решают, что Россия может выплачивать долг Финляндии зерном и вином (последнее огорчает Жана). Лехтинен совещается с Жаном и Гансом о субсидиях Финляндии.

Эпилог, сс.330-336. Хотя от аренды Терийоки общая польза, были, как и всегда, возражения. Ханко становится промышленным городом. Матти с Мирой обручены и живут в Терийоки, в даче возле моря. Фирма Пуйкко создала в Терийоки свой филиал по программированию. Терийокский университет становится ведущим техническим вузом мирового уровня. Свободный город Терийоки получает своё представительство в

Европарламенте. Василий, наконец, осознаёт, что хотя промышленность важна, культура не менее важна для самосознания народа.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ТЕКСТА

1, 2. Ss. 245-247

Матвиенко бросила одобряющий взгляд на Миру. Хотя девушка и получила образование на Западе, в сердце она была всё же русская. Как ей еще удалось бы собрать в одной фразе газовую гавань, новую технологию и дальний прицел выгоды для Матери-России! Всё же градоначальница была довольна ходом собрания. Дело было, наконец, улажено. Конечно, она не особенно верила в то, что согласие продлится очень долго, но лишь бы теперь бы хватило времени запустить проект. По существу согласие могло бы длиться хоть бы год: у русских обычно были довольны, если хоть по какому-то из самых больших дел достигнуто решение начать его.

С осуществлением же не так уж много вдохновляло, т.к. к этому часто требовалось порядочное усилие. Например, было принято, наконец, решение о строительстве Сибирской дороги, это отмечалось десятком лет по всей большой России. Празднование закончилось, как только дорогу начали строить. Окончание следовало бы праздновать, но какой же дурак празднует, когда надо работать! Глава города была также того мнения, что не следует использовать козырные карты, которые еще в рукаве для проведения решения. «Карты еще могут понадобиться» - подумала она, заканчивая собрание.

Уходя, Матвиенко дала Мире листок, в котором просила её составить коротенький план того, как продвигать дело и придти вечером, чтобы показать ей его. Матвиенко была уверена, что план осуществим, но хотела для надёжности подстраховаться. В России никто никогда не имел проблем оттого, что подстраховывался. Обратными же случаями полна история, от самых мелких служащих до царей.

Мира быстро составила краткий план действий. С сотрудничеством Петербургского университета с фирмой Пуйкко всё было ясно. Университет получал финансирование от города Петербурга, так что ректор сразу понял бы как рентабельно вести дело с университетом и как сделать именно то, что желает глава города. Всё же ректору, наверное, надо дать понять, что университету следовало бы помочь финской фирме не выкладывать своё «ноу-хау», как это бывало в некоторых прежних проектах.

Таким образом, у русских странным образом сочетается вера в собственную несравненность и грызущее подозрение, что они не получили надлежащего вознаграждения за своё участие. Из-за этого русские не всегда осмеливаются рассказать, что они могут. А поскольку предприятия западных стран не знают ни их умения ни даже их существования, то они и не могут предложить им приемлимого возмещения. Что же, потому они издавна и довольствуются гороховым супом. К счастью, Мира поняла из того, что могла лично наблюдать при составлении программ, что сотрудничество было бы хорошим для обеих сторон.

3, 4 . Ss. 79-81

И русские, и финны склонны положительно относиться к таким проектам, которые, как они верят, будут поддержаны властью имущими. Независимо от того, разумны они или нет.

Мира дополняла свои записи, сидя на террасе. Она восхищалась финской систематичностью и открытостью. Из каждой гавани ей сразу давали все сведения, даже планы на перспективу представители городов также с готовностью говорили, откуда возможно финансирование проекта. Всё же Мира удивлялась, почему финское государство было готово оплатить более половины затрат на расширение каждой гавани. По мнению Миры, государству следовало бы сначала решить, какие гавани расширять и где прерывается движение товаров, прежде чем финансировать работы по расширению той или иной гавани. Похоже, финны не понимали, что у такого порта, куда не идут должным образом шоссейные и железные дороги нет шансов для хорошей работы. Нет смысла везти судном товары туда, откуда их нельзя везти

дальше на чём-то еще. Мира решила, что финны, наверное, были бы очень рады, если бы русские выбрали гавани, которые следовало бы расширять.

Мира откопала в сумке карту Финляндии и стала на основе собранных ею сведений заново намечать порты для Финляндии. Было очень немного мест, где была бы такая гавань, чтобы можно было построить новый порт на нетронutom берегу. Тут у Мира не возникало хорошей идеи. Она настолько следила за финскими газетами, что уже поняла, что в Финляндии небольшая, но голосистая компания могла десятилетиями задерживать строительство порта, даже если бы он строился на месте старого порта. Неизвестно, как долго могли бы они противиться строительству порта там, где его еще не было. Миру удивляло, каким чудом можно было демократически создать такую систему, где небольшому меньшинству удается терроризировать подавляющее большинство и наносить обществу большой ущерб. Потом она вспомнила, что это не чуждо и России. Ведь Ленин с ничтожным меньшинством добился того, что было терроризировано всё большинство населения во всех сферах жизни более чем на 70 лет. Её, конечно, удивляло, как финны допускают диктатуру меньшинства, хотя у этого меньшинства нет ни оружия, ни армии. Как такое меньшинство получило столь большую власть при демократии – этого Мира не могла понять.

Мысли Мира прервались, когда за соседний стол сел рассерженный мужчина. Мира взглядом оценила его как очень состоятельного. Для Финляндии он выглядел небрежно одетым. Стремящиеся к тщательности в одежде мужчины были, как правило, мелкими служащими или торговыми представителями. По тому, как злобно он поглядывал на официанта, можно было видеть, что мужчина привык приказывать, и к тому, чтобы его приказание выполнялось. В Финляндии Миру немного удивляло, что официанты не хотят заработать. В Петербурге официанты всю старались, чтобы 80/81 клиенту было хорошо, и он мог бы, сидя в ресторане, истратить возможно больше денег. В Финляндии официанты наверняка были на месячной оплате, так как их явно не интересовал ни успех ресторана, ни даже чаевые. Когда официант лишь уставился поверх головы мужчины на кричащих над гаванью чаек, мужчина встал и сам пошел к бару за виски с содовой. Мира решила, что мужчина – частный предприниматель. Оплачиваемые финские руководители, люди столь высокого уровня, что не унижались до того, чтобы самим сходить даже за виски. Частные же предприниматели привыкли к тому, что если дела не идут, то это надо делать самому.

Монолог Матвиенко, Ss.111-113

России всегда приходилось справляться одной. Нам никто никогда не помогал. Оставляли нас одних, с востока или с запада приходили завоеватели. И в будущем никто нам не поможет. К счастью, Бог был щедр к России. В своё время он припрятал в лоно нашей Родины-матери много природных богатств. Хотя западные страны считают Россию бедной, мы богаты. У нас есть нефть, газ, золото и другие ископаемые. В этом у западных стран вскоре будет большая нехватка. Тот, кто располагает природными богатствами, будет в чести. За пятьсот лет мир совсем не изменился. Он всё тот же. Лишь теперь важнее сельскохозяйственных земель стали нефть и газ. Прежде воевали за хлеб, теперь за нефть. Европейский союз действует на привозной энергии. Соединенные Штаты – тоже. А у нас более чем достаточно нефти и газа. Если мы их верно используем, Россия займёт достойное место в мировой политике. Поэтому президент составил примерно такой план: нам следует продавать нефть и на восток и на запад. Американцы нуждаются в нашей нефти. В ней же нуждаются и китайцы. Если мы сможем одинаково легко продавать ее и на восток и на запад, мы сможем сами решать, кому ее продавать. И если дадим понять как китайцам, так и американцам, что можем в любой момент перекрыть вентиль трубопровода на восток или на запад, надежды нашей Родины-матери, по словам президента, будут слушать наострив уши и в Вашингтоне и в Пекине. Поэтому нам надо строить новый нефтепровод и порт как на востоке, так и на западе. Но это еще не всё. Президент мудрый человек, и думает о пользе для России еще далее. Еще более странно, что ни американцы, ни китайцы никогда не нападали на Россию. А европейцы делали это. Поскольку Европа старается сделать Россию зависимой от себя. Во всяком случае, Германия и Франция. Обе они нуждаются в энергии, и мы дадим им её. Но им мы дадим не нефть, а газ. На

первом этапе мы будем поставлять танкерами, и потом построим трубу. Когда труба будет готова, страны переоборудуют предприятия на использование газа. После этого и в Берлине, и в Париже будут приниматься во внимание прежде всего нужды России. Если нет – мы снижаем давление в трубе, и энергетический кризис поражает Европу. Хотя твой отчет составлен хорошо, ты не можешь знать о планах президента. Поэтому ты наверняка пренебрегаешь портом Ханко. Но теперь ты наверняка понимаешь, что мы нуждаемся и в нём. Туда мы проведем газопровод и построим газовый порт с устройствами для сжижения газа. А когда настанет время, мы сможем продолжить трубу в Германию и до Франции. Тай что самое важное для нашей матери-Родины? Ну конечно же экспорт. Так что займись составлением плана. Нам важно заполучить Ханко. Потом Кильпилахти и лишь потом Котка. В России еще не очень много товара, который нам следовало бы везти в Европу и Америку. Порт Котка на важен, пока у нас нет промышленности, которая в нём нуждалась бы. Теперь через него лишь ввозились бы товары, а мы, русские не нуждаемся в иностранном товаре. Иностранные товары лишь развращают нас. Культура гибнет, и нравы опошляются. Россия издавна была оплотом культуры, до которой не достичь Уолту Диснею.

5. Ss.122, 123

В Петербург надо ехать поездом. Так опытные в поездках на восток люди объяснили Матти. Сказали еще, что следует ехать не финским «Сибелиусом», а русским «Репиным». В «Сибелиусе» вагон-ресторан был таким же, как и других финских поездах. Предлагались теплое взболтанное пиво и отсыревшая в пластиковом пакете сайка с ветчиной. В «Репине» же вагон-ресторан был настоящим вагоном-рестораном, где были белые скатерти, фарфоровая посуда и хрусталь. И горячее было действительно горячим, приготовленным на кухне поезда. Итак, утром на вокзале в Хельсинки Матти сел в «Репин», довольно легко с помощью приветливой проводницы нашел своё купе и устроился там. Из коридора послышалась произнесенная резким мужским голосом какая-то русская фраза, смешок проводницы, и в купе к Матти протиснулся ни кто иной, как Палле Хиекка. В двери Палле дал проводнице несколько банкнот евро и еще сказал что-то по-русски, прежде чем заметил Матти.

6. Ss. 143, 144

Премьер-министр и министр финансов были озабочены. Безработица в Финляндии не снижалась, хотя у предприятий дела шли неплохо. Когда у горных советников спрашивали причины, они отвечали с усмешкой, что это, мол, господа министры, такая техника, которая помогает получать больше от старых предприятий. Больше не нужно ни инвестировать, ни оплачивать персонал, и всё же каждый год удаётся производить всё больше и больше. Неплохо бы еще спросить у министров, не было бы лучше, если бы дальше так пойдёт. Патриотизма в их кабинетах и в помине не было, как и очень уж больших усилий. Были преимущественно дожидавшиеся выхода на пенсию комбинаторы. Из молодежи не получается предпринимателей, им всем хочется быть кинорежиссерами и деятелями масс-медиа; правда, некоторые из более практичных изъявляли надежду стать телевизионщиками. Поддержание «общества благосостояния» шло слабовато, т.к. государственной собственности не доставало для бесконечных распродаж. И государственные расходы не всегда можно переложить на плечи общин, т.к. самые слабосильные из них были уже на грани аукциона. Надо было как-то достать еще денег, но откуда? Острой проблеме не было быстрого решения. Конечно, можно было попытаться выдти от Евросоюза побольше субсидий. Премьер-министр читал только что полученный от госсекретаря Сайласа список № 6. Госсекретарь опять предлагал урезать ненужные расходы. Легко ему предлагать это - размышлял премьер-министр - в его возрасте уже не нужно думать о следующих выборах.

7. Ss. 45, 46

Если Палле был «человеком прямого действия», то Василия можно было назвать человеком прямо-таки вертикального действия. И Палле уже несколько раз за время их короткого знакомства приходилось объяснять Василию, почему в Финляндии дело, само по

себе разумное, едва ли можно осуществить вот просто так. Надо собирать разрешения, обращаться к кому-то. Не мог Василий понять и того, что чиновники не выпишут разрешения за малую мзду. Часто Василий был в ужасе от того, что в Финляндии платят чиновникам слишком крутую зарплату. В России же, как это замечено, плата чиновникам настолько мала, что им приходится быть весьма гибкими в своих толкованиях.

– Чиновникам не следует платить хорошую зарплату. От этого они зазнаются и начинают использовать силу бюрократии по своему произволу. А если им приходится завидовать богатым, они всячески затрудняют им жизнь. Поэтому русские чиновники за свою малую оплату ведут дела маленьких людей, а за наличные – более богатых людей. Дела всех улаживаются, и все довольны.

Хотя Палле был и согласен с Василием, он всё же был настолько финном, что ему не верилось, чтобы финских чиновников следовало подкупать. В Финляндии надо было вести дела другим способом: оплачивать юриста, который объяснял бы параграфы закона и общую картину деятельности чиновников своему доверителю. Ведь финский чиновник иногда так боится сделать служебное упущение – или что-то сделать или же оставить что-то несделанным. И если заплатить способному юристу, чтобы он запугивал чиновника, дела пойдут и в Финляндии. Запугивание чиновника – это ведь не подкуп. Строго говоря, это лишь побуждает чиновника к действию для его же пользы. То есть для пользы чиновника. А если речь идет об умелом юристе, то это польза и для его доверителя.

ПОЛНОСТЬЮ ПЕРЕВЕДЕННЫЕ ГЛАВЫ

Гл. 15 Сс.244-262

Мира Голубка вернулась к себе с утренних разговоров у Матвиенко. Кроме дел, нужных для Петербурга, был долгой разговор об аренде порта Ханко. В истинно русском стиле часть присутствующих была твердо против аренды. У них не было бóльшей причины возражать, кроме того, что ни в одну западную страну не следовало делать таких вложений, целью которых была распродажа природных запасов Матери-России. Матвиенко всё же смогла терпеливо обосновать, что в ближней, в несколько десятков лет перспективе России следовало продать немного своих природных ресурсов, чтобы на вырученные деньги построить в России конкурентноспособную промышленность новых технологий. С помощью доходов от экспорта можно было бы потом постепенно возместить поступлениями от продажи сырья. Губернатор также пояснила, что с помощью новых технологий удалось бы рационализировать и отечественные расходы энергии так, чтобы отечественных ресурсов России хватило бы и после того, как Соединенные штаты выкачают до конца нефть арабских стран. Оппоненты не обосновывали промышленности новых технологий, но услышав *kuultuaan*, что с её помощью Россия поднялась бы на надлежащее должное место в мире, они согласились на аренду порта Ханко.

Почти столь же упорное сопротивление было, когда Мира сказала о будущем сотрудничестве Петербургского университета и финских фирм Пуйкко. Панстависты старались ревниво охранять российское «ноу-хау». Мира была в курсе того, что проблема России была в том, что знания и умения было сверх собственных потребностей, но никто не хотел их коммерциализировать. Всё же она сформулировала свои предложения так, что фирмы Пуйкко помогли бы привести русское знание в такую коммерческую и промышленную форму, в которой её можно было бы использовать как строительный материал для российской промышленности высоких технологий. И поскольку аренда порта Ханко была одобрена так, что с ее помощью можно было построить в стране процветающую промышленность высоких технологий, было естественно, что и сотрудничество Петербургского университета с финскими умельцами получило благословение. Конечно, лишь на то время, пока университет не научится сам коммерциализировать своё умение.

Матвиенко бросила одобряющий взгляд на Миру. Хотя девушка и получила образование на Западе, в сердце она была всё же русская. Как ей еще удалось бы собрать в одной фразе газовую гавань, новую технологию и дальний прицел выгоды для матери-России! Всё же бургомистр была довольна ходом собрания. Дела были, наконец, улажены. Конечно, она не особенно верила в то, что согласие продлится очень долго, но лишь бы теперь бы хватило времени, чтобы запустить проект. По существу согласие могло бы длиться хоть бы год: у русских обычно были довольны, если хоть по какому-то из самых больших дел достигнуто решение начать его.

С осуществлением же не так уж много вдохновляло, т.к. к этому часто требовалось порядочное усилие. Например, было принято, наконец, решение о строительстве Сибирской дороги, это отмечалось десятком лет по всей большой России. Празднование закончилось, как только дорогу начали строить. Окончание следовало бы праздновать, но какой дурак празднует, когда надо работать! Глава города была также того мнения, что не следует использовать козырные карты, которые [еще] в рукаве для проведения решения. Карты еще могут понадобиться, подумала она при заканчивая собрание.

Уходя, Матвиенко дала Мире листок, в котором просила её составить коротенький план того, как продвигать дело и придти вечером, чтобы показать ей его. Матвиенко была уверена, что план осуществим, но хотела для надёжности подстраховаться. В России никто никогда не имел проблем оттого, что подстраховывался. Обратными же случаями полна история, от самых мелких служащих до царей.

Мира быстро составила краткий план действий. С сотрудничеством Петербургского университета с фирмой Пуйкко всё было ясно. Университет получал финансирование от города Петербурга, так что ректор сразу понял бы как рентабельно вести дело с университетом и как сделать именно то, что желает глава города. Всё же ректору, наверное, надо дать понять, что университету следовало бы помочь финской фирме не выкладывать своё «ноу-хау», как это бывало в некоторых прежних проектах.

Таким образом, у русских странным образом сочетается вера в собственную несравненность и грызущее подозрение, что они не получили надлежащего вознаграждения за своё участие. Из-за этого русские не всегда осмеливаются рассказать, что они могут. А поскольку предприятия западных стран не знают ни их умения ни даже их существования, то они и не могут предложить им приемлемого возмещения. Что же, потому они издавна и довольствуются гороховым супом. К счастью, Мира поняла из того, что могла лично наблюдать при составлении программ, что сотрудничество было бы хорошим для обеих сторон.

Превращение же Ханко в газовый порт могло быть более трудным проектом. Мало того, что мысль годилась для торговли с горожанами Ханко, т.к. газ должен был доставляться в Ханко по трубе. Это означало, что через Финляндию должны быть проведены новые, а то и пара новых газовых труб. При этом Финляндия получала природный газ. А по вступлении в силу Киотского соглашения природный газ стал бы еще выгоднее, чем прежде, т.к. его вредные выбросы значительно меньше, чем у нефти. Финляндия смогла бы с помощью природного газа достигнуть целей Киотского протокола снизить [количество вредных выбросов] за единицу времени и даже пустить на продажу свои квоты на вредные выбросы.

Понимая это, Мира чувствовала, что газовой трубе стали бы противиться «зеленые». Ведь с точки зрения их партии должно быть достаточное количество плохих дел. Когда дела, которым надо сопротивляться, уменьшаются, при этом снижается поддержка партии. Поэтому партии надо противиться также инициативам по уменьшению загрязнения окружающей среды.

Мира решила спросить у Матти или Палле, как можно было бы погасить страсть к сопротивлению у «зеленых», прежде чем она набрала бы силу. Для надежности Мира решила встретиться и с его отцом. У него в архивах могли быть сведения о том, следует обращаться с принимающими решения у финнов. Или, во всяком случае, у отца могло быть много таких сведений, указанием на которые это можно было бы в Финляндии свести на-нет. Особенно если противникам можно было бы дать гарантию того, что эти сведения ни за что не попадут в

такой архив, в который какой-нибудь исследователь мог бы получить доступ. Не через пятьдесят, ни даже через сто лет.

Мира удовлетворенно просматривала составленный ею план. План был не очень детален, т.к. в проектах такого типа были основания оставлять свободу действий. Прежде чем она отправилась предлагать план губернатору Матвиенко, она еще подумала, не надо ли ей спросить президента Путина, нет ли здесь чего-то такого, что могло быть полезным при совещании с принимающими решения у финнов.

Лехтинен сидел в унылом настроении за утренним кофе у себя в Брюсселе. Работа была такова, что он занимался сохранением субсидий Финляндии. От такого лоббирования он всё же не получал ни славы, ни почёта, хотя, конечно, всё равно почетно как препятствовать уменьшению поддержки, как и добиваться ее роста. Но не всё можно было рассказывать даже редактору «Хельсингин саномат», хоть и были приятелями. За исключением Тали-Ихантаала, в Финляндии победа в активной обороне была не в почете.

Лехтинен подводил итоги того, что сказал ему немецкий комиссар Ганс. Он оставил без внимания начало иеремиады [(обличения)] Ганса, в которой он долго изображал, как рос союз и что Финляндия как старый член союза уже не была в исключительном положении. Всё это он приправил тем, что последняя принятая, так и все в будущем принимаемые страны, беднее Финляндии. Но всё же не было никакой причины радикально срезать субсидии Финляндии. Окей, он еще мог бы одобрить это, [как и то,] что деньги «Северного измерения» направлялись кому-то, кто действительно нуждался в деньгах.

Всё же аргументами Ганса нельзя было опровергнуть предлагаемые проекты информационного общества. Взамен не могла быть предложена никакая другая страна. И теперь должно быть аксиомой даже для немцев, что в Европе нельзя до бесконечности изготавливать товар за счет поддержки государства, когда крупнейшие рынки были на востоке, где к тому же товары удавалось изготавливать дешевле. К тому же для информационной техники на месте изготовления не было расстояния, поскольку товар ничего не весил, и его удавалось транспортировать бесплатно по земному шару со скоростью света.

Немцы механики, а не программисты, как заметил Лехтинен и решил кооперироваться с французским комиссаром Жаном. Француз лучше представляет себе изготовление нематериальных продуктов, т.к. более склонен к философии, чем к завинчиванию гаек в правильном порядке. Еще если в информационной технике как-то участвовала русская сторона, поддержка Франции была бы более на еще более прочной основе.

Ничто не гарантировало более, чем то, что они могли объединиться с русскими за спиной у немцев. Примером этого является вся история Европы: войны велись по всему матерiku лишь тогда, когда та или иная из великих держав успевала втайне объединиться с Россией. Лехтинен решил уточнить у Пуйкко, нельзя ли изменить проект информационного общества так, чтобы участвовала также и русская сторона. Если это было возможно, были бы спасены как информационное общество, так и программа приграничного сотрудничества.

Спасение сельхозсубсидий решили предоставить премьер-министру. Из денег союза более половины пошло на поддержку земледельцев разных стран, хотя те не были гражданами союза, принимая во внимание новых стран-членов как менее десяти процентов. Сельхозсубсидии можно было бы, по его мнению, снять с других стран, и по этой причине у него не было особого желания лоббировать за них даже ради Финляндии. Некоторое время его тешила мысль, что можно бы лоббировать за снятие сельхозсубсидий, но отказался от этой мысли. Один сезон, не более - он не собирался посвящать всю свою жизнь союзу - наверное, его не хватило бы для осуществления столь разумного проекта.

Палле Хиекка сидел в своём офисе, глядя на купленную утром в академическом книжном магазине настенную карту Южной Финляндии. Берега хватало, но не для продажи. Он думал, как бы дать понять Василию, что приобретение сотен гектаров и нескольких километров береговой линии в Финляндии было непосильной задачей. Если такое и можно было бы, то разрешение на строительство 500 дач, 20 строений университета и кампуса на 1000 студентов

не светило. На запад от Хельсинки не было пригодных для покупки земли, кроме земель Фискарса, и не похоже было, чтобы они продавались. Во всяком случае, для той цели, для которой планировал их Василий.

Между Хельсинки и Порво не столь большая территория не была в чьей-то собственности. На восток от Порво было, конечно, достаточно береговой линии, но там не предоставлялось достаточно больших участков. Между Хельсинки и Выборгом помещалась лишь Высшее техническое училище Лаппеенранты. Так что университет не удалось бы разместить на нетронутой местности. Его всё же лучше было бы основать вблизи какого-то действующего университета, чтобы на начальной стадии можно было бы пользоваться уже имеющимися «ноу-хау». Лаппеенранта не привлекла к сотрудничеству никаких компаний, т.к. высшая школа мучалась там десятилетиями, не получая такого сотрудничества с восточным соседом.

Новый университет было легче всего основать в Петербурге, но на это согласился бы Василий. И это понятно, т.к. дети его друзей нуждались бы тогда в визах, чтобы попасть на лекции. Палле удивлялся, почему между Россией и союзом не достигнуто безвизового режима. В торжественных речах Россию считали принадлежащей к Европе, но на пограничных пунктах требовали визу.

Когда Палле не нашел лучшего решения, он решил опять положиться на метод Джерри Коттона (Jerry Cotton), который он считал надежным. Так как сам он не нашел участков ни Василию, ни для университета, ни территории для дач, премьер-министр мог бы отыскать из бывших в распоряжении государства пригодную территорию. Палле вспоминал, что он как-то читал, что задача правительства – предоставить $\frac{3}{4}$ молодёжи высшее образование. Для высшего образования нужны ВУЗы, так что по существу проект Василия был частью действующей правительственной программы. И поскольку у государства сейчас не было денег на особое расточительство, премьер-министр был бы, наверное, рад, если бы какой-нибудь частник построил бы ему новый университет.

Палле остался размышлять, следует ли ему просить бесплатный участок и еще от государства немного инвестиций в качестве начального капитала. Если премьер-министр совсем вдохновился бы новым университетом, следовало бы, кроме участка взять еще всё, что можно было бы взять. По собственному мнению Палле, у него теперь был полный план того, как ему следует вести дело. Довольный собой, он зажег сигару и стал обдумывать, кто из приятелей смог бы отправиться с ним на долгий ленч.

В это время Матти ехал в Кеуруу. Он решил рассказать о расширении порта Ханко своему отцу Аапо, прежде чем открыто взяться за это. По пути Матти размышлял, может быть, не имело бы смысл первым начать эмиссию акций. Лишь бы газеты не стали писать, что на полученные от этого выпуска деньги намерены использовать для газового порта. Так они всё же написали бы, хотя как объяснить, что он не собирался быть участником такого предприятия (?ettei hän oli menossa moiseen hankkeeseen osakkaaksi). Нельзя ли было им раскрыть, что при этом поочередно терли бы спину друг другу – фирмы Пуйкко Петербургский университет. Ругались бы только о том, что отечественные участники никуда не годятся. А если бы им объяснили, что отечественные участники могут только что-то устаревшее, начался бы действительно большой шум. Потом еще загибали какому-либо кредитору, что обучение финских ВУЗах шло так, как хотела Нокia, а не так как хотели клиенты в мире, обвинили бы Нокia же... Так что лучше без объяснений.

Из-за порта в любом случае поднялся бы шум. Копание под трубы ниже границы промерзания через всю Финляндию было бы всё же основательны проектом. В Ханко же «отцы города» наверное, не сразу принялись бы поддерживать проект, если бы это им было предложено. У них могли быть еще свежи в памяти липы. Обстановку не улучшило бы и письмо Музейного управления, хотя в нем и не упоминалось его имя. Всё же они в «Доме города», могли догадаться, что оно неспроста там появилось. Тем более, что в приложении были чертежи, напоминавшие судя по всему, чертежи его дома. Кроме того, что в его доме

были такие башни. Некую меновую торговлю тут наверняка надо был устроить, чтобы заставить их согласиться.

Надо бы Матти оставить мысль строить башню на Аппельгренинге, раз он намеревался искать Мире газовый порт. Матти завернул автомобиль во двор и еще некоторое время посидел в нём. Натура говорила, что, черт побери, если человек решил по строить башню, то, если он человек, а не что-то иное, он ее себе построит. Разум же говорил, что если бы надо было выбирать, построить ли башню в городе, который не хотел башни, или оставить ее не построенной, то, чтобы его семейная фирма добилась бы сотрудничества с Петербургским университетом и имела бы в перспективе лучшее, чем прежде, будущее, то надо было бы оставить не построенной.

Хотя Матти сейчас и не спорил об этом ни с другими, ни с самим собой, трудно было идти на попятную. На бóльший компромисс он не позволял себе согласиться, как и на то, чтобы строить башню в каком-либо другом месте, в котором это не обеспечило бы успеха фирме.

Довольный тем, что он разобрался с башней, Матти погрузился в сообщение Аапо и Юсси обо всём, что в ближайшем будущем ожидало фирмы Пуйкко. Отец и брат слушали объяснения Матти мирно и спокойно. Отец время от времени бормотал что-то, что, мол, кабы сын опять успел [жениться], но это самое странное дело не комментируется. Когда Матти дошел до конца, Юсси сердито буркнул в ответ, что лишь бы на порт не расходовались деньги фирмы. И добавил под конец, что если бы какой-нибудь русский захотел строить детям своих приятелей университет в Финляндии, тут нельзя было бы сказать ничего плохого, раз уж все помнят, что сюда не вложено ни цента денег фирмы. Конечно, хватило бы места для университетов, особенно если они высокого уровня. На свои же деньги Матти, конечно, может строить себе университет, если хочет завершить своё образование, но пусть не смеет делать это чтобы сдать экзамен на магистра мультимедиа [нетекстовых видов информации – аудио и видео] для прыщеватых юнцов.

Пека Каппа полностью получил просимые пояснения. Проведение трубы для природного газа через всю Финляндию получалось не столь трудным, как он вначале полагал. Законодатель весьма мудро сформулировал закон так, что национально значимых инфраструктурные строительные проектов были установлены ясные параграфы по отчуждению. Однако и на них можно жаловаться, но у государственного советника было право давать инициативное разрешение, хотя бы ход обжалования и не истёк. Без дальновидности законодателя в Финляндии не было бы ни одного шоссе и ни одной линии электропередач, ибо они все проходили через тысячи землевладений. Если знать национальный характер финнов, можно быть уверенным что у каждого проекта всегда было хотя бы по два десятка противников, которые запрещали проведение шоссе или электропередачи через их земли. Немало было и готовых ни за какую цену не продавать своих участков. Для создания же университета не было препятствий в законах. Даже если основывали независимый от чиновников образования ВУЗ. А вот такого университета, который мог проводить финские экзамены, нельзя было создать. Проверочный звонок однокурсникам в Министерстве образования выяснил законодательную подоплёку. Политики опасались, что частный университет привлёк бы лучших учеников в свой очаг просвещения. Существовала и та опасность, что лучшие и международно признанные профессора перешли бы туда преподавать. Современная же модель гарантировала, что все получают плохое обучение, но получают его одинаково. Пекка спросил, не догадаются ли особо умные профессора отправиться из Финляндии куда-нибудь, где можно учить хорошо и где учащиеся мотивированы и сообразительны. Коллега отвечал, что так-то и делали все, кого принял иностранный университет. Когда Пека удивился, был ли в этом какой-то смысл, коллега ответил, что конечно не было даже намерения. То есть иного, кроме как политического.

Пека поблагодарил за совет и обещал никогда в жизни не ввязываться в политику, так как у него даже от малейшей был приступ мигрени. Наконец коллега сказал Пекке, что самый разумный способ проведения политики еще не распространился по всей территории союза.

Если Пекка хотел основать университет, программы обучения должны быть утверждены в немецком или английском университете. Если бы это было одобрено там, это должно было бы, по «программе Эразм», соответствовать также программе финской высшей школы.

Услышав это, Пека еще раз отметил, что Министерству образования, конечно, не следовало бы возражать против создания в Финляндии иностранного университета, хотя бы университет и хотел дать финскую программу. Коллега вздохнул и посоветовал Пекке никогда не ввязываться в политику, если не ощутил полного понимания закономерностей политической логики.

Василий Виссаров сидел в саду своей дачи в Терийоки, собираясь с мыслями. Проекты, похоже, шли в желательном направлении, так как никто из участвующих не докладывал о непреодолимых препятствиях. По-правде же на фронте проектов стояла настораживающая тишина. Положение было такое же, как с детьми: пока слышится шум, дети были в обычных шалостях. Но если шум вдруг прекратился, можно быть уверенным, что идет крупномасштабное озорство. Василий размышлял, что могло бы происходить в каких-нибудь частях проекта, и что на этот случай следовало предусмотреть. Генерал, который был бы застигнут врасплох произошедшими в бою изменениями, был плохим генералом. Василий не был озабочен теми частями проекта, которые проходили на Российской стороне, т.к. в результате осторожной разведки ему было ясно, что Матвиенко поддерживала проекты. Откуда Василий вывел заключение, что проекты были совершенно неизвестны также и президенту. Расположенные же в Финляндии части были ненадежны. Всё же Василий доверял Палле и Матти; он не мог сказать ничего плохого и о Пекке, которого, однако, считал самым ненадежным. Но хотя Палле в предыдущем проекте показал свою способность склоняться на сторону премьер-министра, он и в этом нуждался в помощи Василия. Была обнаружена способность премьер-министра быстро принимать решение, когда Василий остановил сани на восточной границе, оставил лесные делянки на Российской стороне и увернул давление труб природного газа на-нет. На этот раз таких штук было недостаточно.

Для порта Ханко у него уже был готов план, с помощью которого «отцы города» могли бы быстро заметить, насколько выгодным было предложение о расширении порта. Строительство трубы для природного газа было таким образом довольно безболезненным делом. Наверное, их можно было вкопать в почву Финляндии, если сделать это на свои деньги засадить ров травой. Через несколько лет никто и не знал бы, что под землёю шуршит газ.

Основание университета, можно полагать, было бы с энтузиазмом воспринято в хвальной своей образованностью Финляндии. Территорию дач и участок под университет надо было каким-то образом связать воедино так, чтобы Финляндия осталась без конфетки, если участки не найдутся. Наверное, кинут маленький участок, если получат новый университет и газовый порт, - подумал, наконец, Василий. Поскольку он не мог вообразить более странного препятствия, он налил себе крепкого виски с содовой и подумал, что заработал это. Если бы Василий знал, что его помощь понадобится также для того, чтобы союз вернул Финляндии субсидии, которые вероятнее срезали бы, он отставил бы виски в сторону и продолжал бы своё планирование.

Премьер-министр не наслаждался виски, как и жизнью вообще. Чиновники информировали о доходивших из Брюсселя слухах, согласно которым субсидии, получаемые странами, старыми членами союза, срезались бы из-за недавно произошедшего расширения союза. В истинно европейском духе сотрудничества срезание коснулось бы, прежде всего, малых стран-членов, и самой тяжёлой рукой были бы наказаны те страны-члены, экономика которых была для Брюсселя не в порядке.

Премьер-министр проклинал хорошее ведение хозяйства - своё и предыдущего правительства. Здравомысленно рассуждая, союзу следовало бы награждать, а не наказывать те страны, которые заботятся о своей экономике. Что касается экономики, то что если поддерживаются те, которые занимаются нерентабельными делами до гибели света. Премьер-министр, наверное, нервничал бы и далее, если бы не вспомнил о представляемой им партии, которая

упорно прищипывала финских земледельцев продолжать экономически нерентабельное земледелие. Но это было совсем другое дело.

Он быстро извлек из своего компьютера сумму полученных Финляндией субсидий, полтора миллиарда евро. Сумма казалась небольшой, пока он не перевел её в марки, так что получилось десять миллиардов марок, что оказалось много. Если такую сумму выцарапать из народа повышенными налогами, то можно быть уверенным, что он остался бы на один срок премьер-министром. Что было не таким делом, о котором, по его мнению, мог бы принимать решение союз.

У союза вообще было много неувязок по отношению к работе отечественных политиков. Это вынуждало малые страны, такие как Финляндия, подтаскивать налоги ближе к средней величине налогов союза. Если бы Финляндия была страной покрупнее, средняя величина налогообложения союза была бы ближе к Финляндии, чем сейчас. Но что поделаешь, если в жизни повезло, но родился в Финляндии?

Он был прав, когда как народный представитель протестовал против присоединения к союзу. Как премьер-министр он этому уже не мог противиться. Особенно если по правилам союза забыл об отличиях. Никто не знал, как выйти из клуба, если начал раскаиваться в членстве. И ведь начнут раскаиваться шире, когда Финляндия вдруг станет лишь плательщиком. Начальные годы членства были всё же более или менее, иначе говоря, каждый отправленный в Брюссель евро возвращался увеличенным на десять центов. Правда, из Брюсселя указывали, на что следует использовать возвращенный евро. Так что трудно было заниматься отечественной политикой. Несколько лет спустя была возможна такая же угроза, что граждане поняли бы, что отечественные политики сами уже не могли определять, кому распределять собираемые государством деньги. Если бы еще обнаружилось, что парламент принял не иначе как какие-то 10 % тех законов, которые он разрабатывал, то кого еще интересовала бы политика, кроме самих политиков. Избирателей бы охватило отвращение, если бы они почувствовали, что и деньги распределяются и законы составляются в Брюсселе, а не на Аркадианмяки [в Хельсинки]. Кто-то мог бы предложить, чтобы весь парламент распустили, раз с него сняты все заботы. Это была бы катастрофа. Депутатам пришлось бы искать работу на открытом рынке.

Премьер-министр еще раз уточнил, куда союз велел использовать возвращенные им Финляндии членские взносы. Большая часть шла в сельское хозяйство. Если они намеревались снижать их постепенно, это обеспечило бы ему без особого напряжения, чтобы ему после очередных выборов уже не надо было бы по утрам ехать в замок государственного совета. Можно было бы даже поступить так, чтобы ему после выборов не надо было бы ездить даже в парламент. Срежьте хоть целиком прочие субсидии, но не касайтесь сельхозсубсидий, - вздохнул он. И смирился настолько, что решил предоставить защиту сельхозсубсидий Лехтинену, а не собственным евродепутатам.

Министр финансов вздыхал над той же проблемой, так как и до его ушей дошли слухи о срезании субсидий. Беглый анализ показал, что в государственной казне появилась бы 3-процентный дефицит, если бы исчезли все субсидии. Шкалу подоходного налога надо было бы подтянуть на 5 %, чтобы покрыть это. Когда был просмотрен список субсидий, настроение министра финансов несколько улучшилось. От получаемых Финляндией субсидий 70 % шло земледельцам. Их можно было бы оставить невыплаченными, если бы от союза поступило бы указание.

Срезание, конечно, оказало бы своё влияние на следующие выборы. Но сотрудничество со сторонниками Кепу было бы как с коалицией. Демократы во всяком случае останутся в правительстве. Но столь резкое поднятие налогов перед выборами могло бы повлиять так, что демократы остались бы третьими и выпали бы из правительства. Если был бы выбор между поднятием налогов и срезанием сельхозсубсидий, решить было бы нетрудно. Премьер-министр мог бы вести дела своей партии, а он бы вел свои.

Министр финансов решил дать Лехтинену задание лоббировать так, что если будут урезать субсидии Финляндии, то урезали бы сельскохозяйственные субсидии. И это следовало

бы сделать таким способом, который препятствовал бы компенсации Финляндией утраты субсидий на внутреннюю деятельность. Тут можно было бы объяснить премьер-министру, что я-то конечно за, но ребята из Брюсселя не согласятся.

Кроме того, срезание сельхозсубсидий всегда добавляло демократам поддержки на следующих выборах. Неизвестно [можно ли] получить в одиночку большинство [на выборах] в парламент, если бы субсидии оказались бы срезанными на-ноль,- вздохнул министр финансов. Разгневанные земледельцы могли бы оставить совершенно без голосов, раз не могли бы больше голосовать за Кеппу, который предал своих. Вряд ли они были охотно бросились бы отдавать свои голоса Суви-Анне или даже Катайсеновскому Юрки.

Немного подумав, он решил сказать Лехтинену, чтобы он стал лоббировать за снижение Финляндии сельхозсубсидий или вообще их отмену, безразлично, были слухи или нет. Столь дешевой избирательной кампании партия ранее не изобретала,- сухо хихикнул министр финансов.

Лехтинен на следующее утро получил на свой компьютер два зашифрованных секретным кодом сообщения. В одном из них премьер-министр просил его, во имя отчизны, сделать всё, чтобы получаемая Финляндией сельхозсубсидия осталась без изменений, или, желательно, увеличилась бы. В другом министр финансов во имя партии и отчизны просил позаботиться, чтобы получаемые Финляндией сельхозсубсидии были радикально урезаны, а желательно вообще отменены. В заключение товарищ по партии выражал надежду, что окончательная отмена могла быть приурочена к осени перед годом выборов. Так партия сэкономила бы огромные суммы на предвыборную агитацию, а сэкономленные деньги хотя бы отчасти можно было бы направить на близкие Лехтинену благие цели.

Лехтинен некоторое время старался согласовать пожелания премьер-министра и министра финансов, но констатировал, что это непосильно даже для него. Единственное средство, которым оба могли бы как-то осуществлены было бы, чтобы говорить сначала чтобы субсидии были больше, а на следующий год меньше. Поскольку он уже знал бюрократию союза, он решил даже не пытаться делать это. Если в Брюсселе поезд тронулся, его ничем не остановить. Иначе говоря, если субсидии пошли бы в рост, они бы росли, как ни доказывай. Что уже хватит. Раз решения, оказывается не найти, Лехтинен решил использовать способ проекта, т.е. не предпринимать ничего и ожидать, что время само так или иначе решит проблему.

Гл. 16 Сс.263-286

В «Доме города» Ханко составляли приложение к ответу, адресованному в Музейное управление, которое было заказано юристу. Оба составителя сопроводительного письма, ни Свен ни Бу, не смогли прочитать до конца ответ, составленный адвокатом на 20 страницах. Они поняли содержание так, что государство Финляндии и его независимую общину не могут обязывать строительные чертежи, составленные во времена чужой власти. Кроме того, в ответе обращалось внимание на то, что даже если составленные более ста лет тому назад во время оккупации строительные чертежи всё же дают современному владельцу право вернуть строению его первоначальную форму, это толкование нельзя рассматривать как обязывающее общину современного размещения строения, ибо строению было выдано новое разрешение на строительство в связи с его перемещением. Тогда выданное ранее, во времена чужой власти разрешение на строительство, выданное участку, на котором здание уже не находится и даже местности, которая более не является территорией независимой Финляндии, не может быть более правомочной, чем более новое разрешение на строительство, выданное в независимой Финляндии.

Свен и Бу были довольны ответом. Ведь это говорил уже крестьянский здравый смысл, что Финляндии не надо больше придерживаться царских указов. Правда, Бу сомневался, что это можно было бы выяснять только крестьянским здравым смыслом, Музейное управление не приняло бы всерьёз их ответ. Ведь задачей чиновников было составлять законы и толковать их

так, чтобы не оставалось места крестьянскому здравому смыслу. Если оставалось бы, то куда годились бы чиновники? Чтобы выиграть городу время, Свен добавил в заготовке сопроводительного письма, что если Музейное управление, несмотря на ответ, настаивает на своём требовании, городу следовало предусмотреть возможность исследовать, действительно ли данный дом был перемещен. Бу обратил внимание, что он ведь был перемещен, если он прежде был в Терийоки, а теперь он в Ханко, к чему Свен добавил еще, что городу следовало доставить подтверждение того, что дом перенесен в первоначальном виде.

Когда Бу спросил, что это означает, Свен ответил, что если что-то «музеефицируют» [оформляют объектом культурного наследия] то это делают с самого начала. Добавил, что его отец рассказывал, что когда разобранные дома доставлялись в Ханко как груз бревен, брёвна были очень плохо помечены. Местные плотники тогда собирали дома по своему усмотрению, и даже новые владельцы требовали это переделать. У немногих были тогда в Финляндии средства строить себе дачи в 17 комнат. Иногда из материала разобранных домов получалось даже две прекрасные дачи. Так что люди из Музейного управления вполне могли бы прибыть, чтобы проверить, бревно за бревном, подлинность дома.

В лучшем случае можно было бы поступить так, что [если] несколько первоначальных бревен дачи Пуйкко были использованы в соседнем доме, то Пуйкко мог бы строить свою башню если достал бы бревна для своего дома из стены соседнего дома.

Господа в Ханко, наверное, не были бы настолько рассержены, если бы знали, что Матти Пуйкко уже отказался от мысли строить башню. Правда, у Матти не было и намерения информировать об этом «отцов города» Ханко, но он стал использовать башню как пешку в той игре, в которой город Ханко вынуждался бы сдать территорию порта в аренду русским. Правда, отец Аапо предупреждал Матти, что в финских городах вообще не имели столь уж большого желания сдавать что-либо в аренду русским. Хотя русские и получили в своё время целый город. Наконец, отец всё же заявил, что сын делал, что сыну задано, и родня стояла за него. О тех сыновьях вообще слышать, люди не говорили бы, если бы не узнали из опыта, что в жизни мудро, а что нет. Матти истолковал слова своего отца так, что, что он, по мнению Матти был того мнения, что ему не следовало бы связываться с газовым портом русских но следовало бы из этой сумятицы чему-то научиться. Иначе, то по крайней мере, что в данный проект не следует ввязываться. И если проект каким-то образом удастся, то усвоить, каким образом осуществился этот невероятный проект.

Матти размышлял, лучше ли идти говорить в Ханко одному или с Миррой. Если шел один, собственно предложение могли бы остаться тени лип, хотя эти дела предполагалось бы вести по-отдельности. Каким-то образом следовало бы постараться начать разговор с газового порта, так как это было некоторым образом освящено свыше. Но для этого освящения нужна была дальновидность «отцов города» Ханко, для чего эти более высокие стороны и послали Матти выяснять возможность осуществления, прежде чем это получило бы известность. Матти решил, что по прибытии Миры в Ханко она должна была бы представиться как помощник президента Путина. Хотя в Петербурге жителей было вдвое больше, чем в Финляндии, на «отцов города» Ханко оказало бы гораздо большее влияние, если бы на встречу с ним прибыл представитель президента, а не губернатора.

Матти размышлял, что произошло бы, если бы жители Ханко согласились бы. Только расширения порта и строительства установки для сжижения газа было бы недостаточно, надо было каким-то образом доставить газ в Ханко. «Зеленые» наверняка воспротивятся проведению трубы через Финляндию. При этом нельзя быть уверенным, что каждая община по пути отнеслась бы положительно к тому, чтобы работали экскаваторы и катки укатывали землю вслед за трубой через всю общину. Для этого надо было что-то придумать. В этом отношении жизнь научила Матти, что если решение может принять человек, которому никогда не приходилось нести материальную ответственность, последствием было всегда худшее из возможных решений. Поэтому ему надо было поставить принимающего решение в такое положение, чтобы у него было лишь два выбора: плохой и еще худший. И худший должен быть таким, который был политически хуже. Если бы это было экономически хуже, его те

идиоты и выбирали бы. Политически плохого решения не осмеливались выбрать даже чиновники. Матти открыл свой компьютер и извлек карту Финляндии. Простой чертежной программой он прочертил трубопровод через Южную Финляндию. Трубы шли почти по дороге, но у Матти была причина заставить трубу извиваться : с точки зрения политически наихудшего варианта было безусловно важно, чтобы труба шла через определенные общины. Когда чертеж был готов, он распечатал его. Ведь надо было, чтобы у него был план проекта на бумаге, прежде чем он отправился бы предъявлять его жителям Ханко.

Наконец он позвонил Палле и попросил, чтобы они с Василием позаботились бы, чтобы Мира, хотя бы на следующей неделе, была бы специальным помощником президента Путина. В отношении же Василия он выразил пожелание, чтобы он организовал дело с губернатором Матвиенко так, чтобы политически наихудшее решение было немедленно опубликовано, если замысел с портом или трубой стал бы встречать непреодолимое сопротивление. Услышав о плане Матти, Палле счел его великолепным, столь хорошим, как если бы он сам придумал его.

Лехтинен, несмотря на данные ему поручения, пришел к тому выводу, что в ближайшей перспективе Финляндии должны быть оставлены сельхозсубсидии. Само по себе было ясно , что в каждой части света некоторые испытывают голод, а в другой части его же кому-то платят за то, что он оставляет землю невозделанной. Из прочитанного он понял, что если развитые страны сняли бы с продуктов питания охранительные пошлины, это помогло бы развивающимся странам в десять раз больше, нежели закачиваемые сейчас ежегодные субсидии на развитие. В странах союза, наверное, хватило бы ума, чтобы понять это, но если самый большой спонсор, взимающий наиболее высокие пошлины на импорт, Соединенные штаты, не понимали бы этого, ЕС сам не взялся бы за это. И раз союз не взялся за это, Финляндии тоже не следовало соглашаться на это. Голод в мире не уменьшился бы, и бедность не пропала бы, даже если бы Финляндии и не сеяли бы зерновых.

Хотя жизнь Лехтинена прошла в иных местах, нежели у Матти Пуйкко, их с пути схватило одно и то же учение, им было усвоено одно и то же. В политике никогда не следовало рьяно приниматься защищать собственные выгоды и заниматься торпедированием предложений противной стороны. Вместо этого, пришедшемуся по вкусу надо способствовать, а противоположное отклонять так, чтобы представители противной стороны могли бы сами выбрать между плохим и худшим вариантами. Таким образом, противная сторона не могла бы даже потом назвать это политикой диктата, раз уж сама выбрала свой вариант.

Когда же получены приличные варианты для развития, в заключительных играх надо поступать уже так, чтобы сельхозсубсидии сохранялись, информационное общество (tietoyhteiskunta) принялось бы строить под руководством Финляндии и приводить в порядок финские железные и шоссейные дороги во имя работ по приграничному сотрудничеству на деньги союза. Поглядев некоторое время на висящую на стене карту союза его приграничных территорий, Лехтинен обнаружил «худший вариант».

- Маленькому надо использовать большого как плечо рычага... - воскликнул он и набрал телефон Палле Хиекка.

Палле Хиекка вначале не особо вдохновило вступить в бой за сельхозсубсидии Финляндии. Когда же Палле выслушал предложение Лехтинена о «худшем варианте», это вызвало у него смех, и он заявил Лехтинену, что выполнит эту просьбу. Но сразу напомнил Лехтинену , что у него манера просить взаимную услугу. Лехтинен сказал, что понимает его, после чего Палле рассказал о создании с Финляндии нового университета и вероятности того, что каждый мелкий служащий Министерства образования примется ставить палки в колеса. Лехтинен обещал при надобности позаботиться, чтобы как Гейдельбергский, так и Сорбонский университеты подтвердили выполненные в новом университете исследования.

Палле отметил, в заключение, что это имеет смысл подтвердить так, чтобы это можно было при надобности опубликовать в приемлимые сроки Он обещал также рапортовать Лехтинену, как продвигается этот «худший вариант». Правда, он полагал, что этот вариант

связан с еще одним телефонным звонком. Потом еще попросил Лехтинена, иногда бывая в Финляндии, резервировать время, чтобы заскочить в Терийоки и встретиться с Василием.

Василий сидел на террасе, когда позвонил Палле. После обычного обмена новостями, Палле изложил Василию пожелания Матти и Лехтинена. Проверив сначала, что он верно понял то, что желал бы Матти, Василий заявил, что такие небольшие просьбы, по-правде, даже и не просьбы. Пожелание же Лехтинена вызвало у Василия смех, и он заявил, что с удовольствием займётся этим. Это не особенно трудно. Несколько телефонных звонков друзьям, у которых, в свою очередь, есть друзья в нужных местах, и вот всё ясно.

О предложении Лехтинена, Василий, правда, заметил, что если кошку выпустить из мешка, ее трудно засунуть обратно. То есть до того оказывалось, что пожелания Лехтинена касались газеты. Таким образом, предложение может сохраниться в жизни [архивах, например], когда Финляндия уже не будет нуждаться в этом. На это Палле ответил, что это надо оставить в личном плане, даже если и вышло с уровня между Россией и Финляндией к уровню России и союза. Василий заметил, что не так ли тут и придётся поступить, то есть если кошка увидит дневной свет.

Заканчивая разговор, еще подумал о своих финских друзьях. Очень уж непритязательны пожелания людей, и всё же они полагали, что полученными ими делами следует заниматься. Правда, Пеле ничего не упомянул о дачной территории. Это значило что он не придумал решения этого. Василий обдумал пришедшую ему прежде на ум идею и не нашел в них особо слабых сторон. Так что он решил начать готовить это, не говоря об этом Палле. Губернатор Матвиенко заявила, что она поддерживает предложение, если его примутся осуществлять, и дала Василию понять, что и другие находящиеся в России на высоких должностях петербуржцы отнесутся к этому положительно.

По мнению Василия, русская манера указывать на возможность хода дел, не говоря точно, как они продвигаются, была практичным образом действия. Так так, например, он подумал помочь Матти и Мире в проекте с портом, дав, если понадобится, или даже чуть заранее, понять жителям Ханко, насколько выгодно им было бы сразу согласиться на предложение Миры и Матти. Василий позвонил по нужным телефонам. Другие дела запускались в ход, но пожелание Лехтинена было несколько труднее, т.к. это требовало дипломатии. Через час Василию был звонок из Кремля, откуда его со смехом заверили, что пожелание Лехтинена было одобрено как в Москве, так и в Киеве. Всё же из Киева заявили, что пожелание было одобрено лишь в отношении Финляндии, но если это распространится в союзе, в Киеве примут новое решение. Василий сказал, что понимает это. Ведь Украина стремится стать членом союза, и предложение Лехтинена могло бы при широком распространении повредить переговорам членов [Европарламента]. Василий поблагодарил за поддержку и попросил служащих Кремля подготовить документы. Всё же проект нельзя было пускать в ход, прежде чем союз не заявил бы официально о рассмотрении срезания предоставляемых Финляндии сельхозсубсидий.

Не всем приходится рассказывать об всём, размышлял Василий, подводя итоги. Какими бы ни были друзьями. Поэтому он изъясил из отправляемого им Палле е-мэйла некоторые подробности, о которых уже успели договориться. Было поставлено на случай если кому-то не доведется сразу догадаться о главном, - размышлял он. К концу сообщения он поставил пожелание, чтобы Палле держал его в курсе того, в каком порядке берутся осуществлять этот прорыв.

Премьер-министр был в плохом настроении, и его не улучшило то, что секретарь напомнил ему о встрече с Палле Хиекка. Он ругал свою участь, так как оказался на должности без своего желания и врасплох. Экономика страны, казалось, никак не выходила из штопора, хотя народное хозяйство оживало. Прибавившиеся государственные доходы куда-то пропадали, несмотря на то, что Сайлас размахивал своим списком экономии. И вот еще союз начал перекрывать краны. И начал перекрывать их наихудшим образом, то есть обрубить

сельхозсубсидии. Если так и сделают, поражение на следующих выборах стопроцентно, – вздохнул он.

Секретарь попытался взбодрить начальника, принеся свежее кофе и папку [с материалами] Палле Хиекка. Кофе бодрило, а папка – нет. При беглом просмотре у премьер-министра осталось такое впечатление, что если бы Палле пустили в здание Государственного совета, в стране изменились бы законы на следующей же неделе. Причем изменились бы в пользу не государства и политиков, а народа. Какая польза от изменения законов в пользу народу, а политиков никто и не поблагодарит? Такие изменения законов политически так же бесполезны, как и возврат к сухому закону, – размышлял он. – Получится так, что политиков обвинят в принятии сухого закона, а народ потребует его отмены. Хоть парламент и принимал эти странные решения, составлял закон и отменял его. Прежде чем премьер-министр успел далее пофилософствовать об отношениях между учреждением депутатов и народа, секретарь впустил Палле. После быстрых приветствий Палле приступил к делу.

- Финляндии не справиться с Китаем или Индией, если не поднять в стране уровень обучения.

- Правительство того же мнения, – осторожно ответил премьер-министр.

- Только количества недостаточно, еще должно быть качество. И качества недостаточно, если нет конкуренции.

Премьер-министр не отвечал, так как он успел понять из папки Палле, что ему нечего сказать, пока он не знает, чего, собственно хочет Палле. Палле подождал некоторое время, но когда премьер-министр продолжал молчать, он продолжил:

- Поэтому в Финляндии надо основать новый университет.

- Нет! – воскликнул премьер-министр, не обращая внимания на содержание папки. –

Правительство уже приняло решение о том, что в нашей стране достаточно университетов.

- Тогда, наверное, надо принять новое решение, – попытался дружелюбно помочь Палле.

- Не надо!

- Неужели в стране нельзя основать новый университет без решения правительства?

Конечно, тут надо принять новое решение. И было бы совсем неплохой идеей при этом резервировать участок земли. Желательно у берега моря. И достаточно большой, чтобы поместился и студенческий городок.

- Государство не раздаёт университетам участков земли. Особенно тем, которые не созданы.

Палле некоторое время молчал. Разговор пока не ладился. Ведь надо было бы с самого начала взяться за дело, подумал он, но заметил, что премьер-министр поглядывает на висящие на стене часы.

- Даже если он частный? – спросил Палле.

- Что?

- Этот университет.

- Частные университеты добавляют престижа. [- ободрил премьер-министр.]

- Так и намереваются сделать. Чтобы появился хоть один университет, в котором приличные преподаватели, твердая дисциплина, надлежащая плата за учебный год и твердые требования. Сначала, правда, может пойти так, что туда вовсе не попадут финские студенты, если у них никудашные умение, дисциплинированность и прилежание. Поскольку выбросили в мусорную корзину бесклассовую гимназию и практикуется оставление в классе [на второй год], то иные годы не удастся принять в новый университет даже пару финских учащихся.

Премьер-министр не верил своим ушам. Палле хотел разрушить всё, что есть святого в финской системе образования. Надо же всем давать равные шансы сдать академический выпускной экзамен. Всем надо давать одинаковые возможности. То, что у кого-то больше способностей, желания или страсти читать и учиться, не должно быть препятствием для других попасть в высшую школу. Это ведь может идти от родителей, которые смогли мотивировать своё потомство. И не была демократичной такая система обучения, в которой дети ответственных родителей лучше успевали.

- Не годится, – буркнул премьер-министр, прежде чем Палле успел продолжить.

- Участок или...

- Ни участок, ни университет. В Финляндии достаточно университетов. Их в стране всё равно будет излишек, прежде чем не начнет повышаться рождаемость. Современного ежегодного набора недостаточно, чтобы заполнить учебные места, даже если из каждого совершеннолетнего со временем выходил бы магистр.

- Позволю себе быть иного мнения, чем премьер-министр.

- Почему? Мой секретарь охотно даст вам статистику учебных мест и рождаемости.

- О них мы, наверное, будем одного мнения.

- Ну, о чем же мы разного мнения?

- Об университете.

- Которого нет и не будет.- сухо огрызнулся премьер-министр.

- Которого еще не существует, но который скоро будет существовать.- ответил Палле теперь уже немного тише.

- Без поддержки государства можешь делать что хочешь. Хоть основывать университет. Правда, по-видимому, не сможешь назвать его университетом. И его студенты не получают государственной стипендии, так как это не университет. И экзамен в нем не экзамен. Так что основывай, но придумай ему какое-нибудь другое название, чем университет или высшая школа.

- Я... - попытался вставить Палле, но напрасно.

- Так что если у вас нет чего-то еще, то с этим ясно.

- На данной стадии, конечно.- кивнул Палле и встал со стула.

Когда Палле ушел, премьер-министру сразу стало легче на душе. Сельхозсубсидии по-прежнему были под угрозой, но он ведь был первый премьер-министр, который встретил Палле Хиекка и вышел из этой встречи победителем.

Премьер-министр оставался бы и далее в плохом настроении, если бы лучше знал Палле. Этот визит был для Палле не нападением, а лишь разведывательным рейдом. Правда, Палле ожидал более позитивного отношения премьер-министра к новому университету. Об участках же он думал, что придется выкручивать руки. Но поскольку разговор с самого начала не удался, уместна была отсрочка. Едва ли премьер-министр после краткого совещания предоставил бы ему прибрежные участки для дачной территории Василия, даже если бы он и не стал предлагать основание университета.

Матти решил идти на встречу в Ханко без Миры. Как человек, прошедший армию, он знал, что не следует при первом нападении вкладывать все силы в игру. Мира, особенно если её удалось бы представить как помощницу Путина, могла бы понадобиться лишь если служащие не вдохновились бы газовым портом. По пути в Ханко Матти обдумывал, как начать. Не сказать ли сразу, что он отказывается от башни или использовать эту карту только если противная сторона не будет благосклонна? Он решил рассказать о газовом порте и доставляемых им выгодах. Ведь могли же «отцы города» настолько вдохновиться такими возможностями, что дали бы ему в награду разрешение на строительство! – размышлял Матти, поворачивая во двор «Дома города».

Свен и Бу, покуривая, ждали Матти. Встреча была согласована, однако о предмете её не говорилось. «Отцы города» сомневались, чтобы у Матти было бы с собой новое письмо Музейного управления, в котором весь город объявлялся бы музеем. По прибытии Матти в комнату совещаний приём не был сердечным. Свен и Бу договорились, что дадут Матти начать, и что Свен будет говорить, а Бу – делать заметки для памяти. Они, как считали, усвоили, что с этим человеком надо быть точным и записывать всё, что говорится. А то могли вдруг прийти письма еще откуда-то, нежели из Музейного управления. Первые минуты они лишь мрачно смотрели поверх стола. Получив себе чашку кофе, Матти, кашлянув, начал:

- Ханко, как я понимаю – расселяющаяся депрессивная община.

- Наверное, так и есть, - отвечал Свен. – Господа из Хельсинки скупили все бывшие пансионаты и превратили их в свои жилища на выходные. Так как в пансионаты уже не приезжают туристы, там не нужен персонал.

«С этим ясно, - подумал Матти. – Нищета селения – вина господ из Хельсинки» (поиграв желваками), он всё же продолжил:

- Промышленные-то рабочие места лишь сокращаются.

- Это решают те же господа, которые покупают дачи. Не хотят они промышленности рядом со своими дачами.

«Далее всё более проясняется» - подумал Матти, прежде чем продолжил:

- Порт – это, наверное, и есть рабочие места?

- Это так. Но благодаря русским. Возят старые и новые авто, какие успевают.

- Но долго ли удастся возить автомобили?

- Пока у каждого русского не будет автомобиль. А до этого еще долго.

- Но экспорт из порта, наверное, долго не продлится.

- Конечно, нет. Об экспорте решают те самые господа в своих дачах. Боятся увеличения транспорта. Будут, говорят, пробки на дорогах сюда. Госпожи не любят ездить вслед за медленными фурами.

- Тогда надо бы, наверное, найти такое, что не надо было бы везти в Ханко прицепами.

- Не хотят и движения поездов. Стучат, говорят, так, что дети спать не могут.

Матти некоторое время молчал. «Ведь эти ребята всё время говорят как сторонники газового порта. Такая труба не вызовет ни движения прицепов, ни стука по рельсам. Наверное, газ даже не шумит при движении по трубам. Не чувствуется у «отцов города» и большой антипатии к русским». Так что он решил перейти к делу.

- А если нашелся бы такой продукт, который не вызвал бы шума, но всё же нуждался бы в гавани?

- Но раз нет такого. Конечно, товар, так или иначе, надо доставлять в порт. Не воздух же грузить в суда.

- Если не воздух, так всё же какой-то другой газ.

- Откуда брать газ, чтобы грузить в суда?

- Из России.

- По ветру он, что ли сюда пойдет?

- Нет, по трубе.

- Откуда?

- Из России.

- По какой трубе?

- Её надо построить.

- Через Финляндию?

- Да.

- Останется не построенной.

- Если не останется, заинтересует?

Свен глянул на Бу. Тот помотал головою. Свен, по-правде, не понял только из жеста, почему надо сказать «нет». Но судя по тому, что накопилось из опыта уловов господ, знал, что им всегда проще сказать «нет», чем «да».

- Не заинтересует, - ответил Свен.

- Почему нет?

- Потому что нет такой трубы. Её надо было бы строить. И во всяком случае хотя бы отчасти на деньги города. Другие общины не потянут трубу через Финляндию. И потом надо было строить новые пристани для газовых танкеров. И не из крана же газ в те суда пускать. Надо, наверное, гигантские заводы на этом берегу. И опять же возвращать городу деньги. Ведь в России газа не до бесконечности хватит. Когда-нибудь и он кончится. Так что нет, спасибо.

- Газа хватит дольше, чем нефти. Нефть оттуда первой кончится. И бензин. Когда они кончатся, тогда тут не гонять больше автомобилем.

- Там будет видно. Мы с Бу тогда подавно на пенсию уйдём или быльём порастём. При нас город больше в долги не влезет. Так что спасибо и до свиданья.

Бу и Свен встали и вышли из комнаты. Матти больше не мог защищать своё дело. Допивая остывший кофе, он закончил представление «отцам города». «Раз они не хотят вводить в долги свой город, газовый порт был бы для этого лучшим решением. Задолжали бы, тогда бы узнали», - бормотал он, закрывая за собой двери «Дома города». Вернувшись домой, он позвонил Палле и доложил о произошедшем. Палле попросил Матти не беспокоиться.

- Проекты продвигаются, хотя сейчас этого и не видно. Премьер-министр всё же был ко мне столь вежлив, что выставил прочь, а не вышел сам.

- Так он доволен университетом?

- Не очень.

- А от участков Василию?

- До этого не дошло, пока я не был опять же за дверью. Но ты, Матти, не суетись.

Приведем дела в порядок. Плохой или хороший, но всё-таки порядок.

- Тут нужно платить. Жители Ханко говорили, что город не будет участвовать не в чем и, во всяком случае, не возьмёт в долг, хоть бы и участвовал. Нет у них таких денег на дне кассы, чтобы вести трубы через всю Финляндию.

- Надо посмотреть сначала, много ли на это нужно найти денег. И лишь тогда посмотрим, кому находить эти деньги.

Телефон Матти застучал, и он прекратил разговор с Палле. На связи был брат Юсси.

- Здорово, Матти, как место?

- «Нарушают закон если держат телефон»; говори, однако.

- Этот профессор...

- Что?..

- Он отказался.

- От чего?

- Идти к нам на работу.

- Даже на неполный рабочий день?

- Вообще, никак не обещал. И подозревает, что и другие тоже.

- Почему?

- Говорят, что предлагаемые отцом идеи такие, что финские ВУЗы не возьмутся за них.

- Как это? Он же так разговорился, когда Аапо рассказывал ему о них? Ведь в идеях отца, по моему, нет ничего плохого.

- По мнению профессора и, наверное, его коллег, в них кое-что не так.

- Не скажешь ли, в чем дело? Не действует, по их мнению?

- В том-то и дефект, что они работают.

- Минуточку. Финские ВУЗы не могут участвовать в такой разработке, в которой разрабатывается работающая идея? Ты уверен, что верно понял?

- Да. Недостаток в том, что если идеи Аапо работают, «Нокиа» со временем окажется в такой дыре, что ей придется менять свои рабочие системы на выстроенные по идеям отца.

- Большая проблема?

- Это по мнению профессора. Если слить в мир такую информацию, что профессор выстраивает лучшую и более дешевую рабочую систему, «Нокиа» прекратит всю свою поддержку Высшей школы. Так они сделали с «Отаниеми», и, говорят, по гораздо меньшему поводу.

- Ну и что? В этой стране университеты на государственные деньги крутятся. Так учил премьер-министр этим утром Палле.

- Теперь они оплачиваются с прибыли.

- Кто?

- Профессора.

- Платите больше.

- Мы не можем оплачивать их всех. Они так боятся друг друга, что ни один из них не сядет в наши сани. Они потом не посмеют встретиться с начальством «Нокиа».

- Позвать в гости...
- Говорят, не пойдут. Так что создание нового предприятия может быть затруднительно. Финские «Программные дома» не следует покупать, если хотят столь твердую цену, а впустую не стоит начинать, раз все профессора боятся «Нокиа».
- Не суетись, Юсси. Приведем дела в порядок. Плохой или хороший, но всё-таки порядок.
- Повторил Матти слова Палле, заканчивая разговор.

Европарламентарий Лехтинен ужинал в «подвальчике» рядом с его жилищем. Он с удивлением он заметил, что вошел немецкий комиссар Ганс. Ганс некоторое время озирался и был явно удивлен, увидев Лехтинена. Спросив разрешения, он присел за столик Лехтинена. Во время еды говорили о том, о сём, но дойдя до кофе и кальвадоса, Ганс перешел к делу.

- Господин Лехтинен, вас знают здесь, в Брюсселе как человека широких взглядов и повидавшего мир. Поэтому я попросил бы разрешения неофициально передать через вас мой привет правительству Финляндии, если можно.

- Усёк, ответил Лехтинен на своём баварском немецком

- Это пока неофициально, но мы хотели бы передать предварительную инфомацию от комиссии финской стороне, чтобы вы успели политически подготовить это в Финляндии.

- Очень интересно,- ответил Лехтинен, хотя и полагал, что у того было намерение не оказаться в положении информатора, а прежде всего проверить на нем, как финны стали бы реагировать на предложение комиссии.

- Иногда будущее не предлагает нам только плохие варианты.

- Конечно.

- И тогда надо из плохих выбирать лучший.

- Да, конечно,- отвечал Лехтинен, нисколько не пытаясь далее помогать немецкому комиссару.

- И часто лучший из плохих с точки зрения целого лучший, хотя с точки зрения меньшей группы он может быть худший из худших.

- К этому мы, финны, привыкли.

- Так мы и думали, - вырвалось у Ганса, прежде чем он заметил свою ошибку. Он постарался быстро исправить дело. – Тут лишь два обстоятельства. Или, по-правде, одно, у которого две стороны.

- Совсем как с тоски в оглоблях.

- Для начала. В Польше 4 000 000 поместий, а в Финляндии едва ли 100 000.

- Наверное, так.

- Так что, наверное, ясно, что у союза были средства поддерживать финское земледелие прежде всего тогда, когда Польша еще не была его членом.

- В этом наши земледельцы мало сомневались, раз Польша включена в союз.

- И союзу в принципе надо относиться ко всем одинаково, предоставлять всем гражданам союза одинаковые предпосылки для успеха.

- В принципе.

- Примечательно, что вы принимаете этот разговор из принципиально не с национальной позиции. Математически ясно, что у союза нет возможности предлагать 10 000 000 польских земледельцев тот же уровень жизни, как и финским земледельцам.

Лехтинен ничего не ответил. «Дать парню выгореть, прежде чем он приступит к делу»- подумал он. Ганс некоторое время некоторое время подождал комментария Лехтинена, или даже немного дольше, но когда этого не услышал, решил продолжить:

- Мы, таким образом, в принципе одного мнения, наверное, математикой тут нельзя удовлетвориться. Если, так или иначе, это так, то это приходится делать, и вы, наверняка, сможете представить это вашему правительству в такой форме, что это и им станет ясно.

- Даже так? - заметил Лехтинен,- думая, как это Палле удалось предвидеть это. По инструкции Лехтинен должен был быть одного мнения с комиссаром и передать это в Финляндию в той форме, что в данной ситуации уже ничего нельзя сделать.

- Нам, таким образом, во имя объективности надо снять с Финляндии сельхозсубсидии, пока измеренный паритетом покупательной способности поляков уровень жизни не достигнет уровня жизни финских земледельцев.

- Наверное, принимая во внимание все факты.

- Согласно Евростату, к этому придем, не ранее как через 10-20 лет, так что это решение лишь временное. Тогда, так как уровень жизни финских земледельцев самый низкий в регионе, то по той же логике и, принимая во внимание те же факты, мы сможем опять начать давать поддержку и финским земледельцам.

- Наверное, так, наверное, нам и надо делать. Ведь союзу надо направлять свою помощь всегда самым обездоленным. Мы, финские социал-демократы всегда были на стороне маленького человека.

Немецкий комиссар был доволен собой. Со старыми братьями по оружию легко было иметь дело, если можно было представить дело логически и придерживаться фактов. Ганс даже был настолько доволен, что решил заплатить за оба ужина из расходов комиссии на представительство и заказать по кальвадосу. Когда напитки были на столе и вкус был признан прекрасным, Ганс продолжил:

- По той же логике и анализе, строго основанном на фактах, комиссия также обдумала работу по приграничному сотрудничеству с Россией. Их 160 млн., а финнов лишь 5.

- Наверное, так, - ответил Лехтинен.

- У работы по приграничному сотрудничеству задача – выровнять разницу уровней жизни между Финляндией и Россией.

- Наверное, в этом.

- Но при более точном анализе программа признана нелогичной.

- Такие они подсовывают большие программы, по ближайшем рассмотрении,- ответил Лехтинен.

- Нет у союза средств на нелогичную программу.

- Я думаю, у нас нет.

Ганс не был вполне уверен, что замечание Лехтинена было искренне. Только не содержало ли оно небольшой упрёк относительно новых программ комиссии? Так или иначе, надо было продолжать, раз начало так хорошо прошло.

- Логично было бы те деньги отдать русским. Но мы не можем этого делать, раз их так много.

- То-то и оно. И прореживанием они, похоже, не уменьшаются. В этом-то у нас есть опыт.

Ганс более прежнего начал подозревать, что он утрачивает сочувствие Лехтинена и поспешил перейти к делу.

- И если мы дадим деньги финнам, уровень жизни финнов повысится, а у русских останется прежним. Таким образом, программа действует против самой себя. И поскольку у нас нет средств, чтобы дать каждому русскому столько же, сколько нам по средствам дать финнам, мы вообще не можем давать деньги финнам. Понимаете ли вы это, г-н Лехтинен?

- Так оно и есть. Так что не следует долго использовать такую программу, которая работает против самой себя.

- Так что мы снимаем этот проект с финансирования, но чтобы возместить это, мы снимаем с Финляндии и прочие субсидии, чтобы мы могли осуществить первоначальную программу.

Теперь Лехтинен был в шоке.

- Простите?..

- Общепринятая цель была и есть та, что с точки зрения безопасности союза целесообразно уменьшить различие в уровнях жизни между Финляндией и Россией, не так ли?

- Конечно.

- Новая программа делает это быстрее и дешевле. Иначе говоря, снижается уровень жизни финнов, пока уровень жизни русских и финнов не будет одинаков. После этого мы сможем опять начать поддерживать Финляндию и направлять на повышение ее уровня жизни из бюджета союза.

- Так, наверное, будет дешевле.
- Согласно Евростату на это пойдет не более чем от 50 до 70 лет. Краткое время в истории человечества.
- Преходящий момент, подтвердил Лехтинен, согласно полученным им указаниям.
- Немецкий комиссар настолько разгорячился от собственного умения и искусства, что предложил Лехтинену еще по третьему «кальву». Мужчины подали друг другу руки, выйдя из ресторанчика, и Лехтинен вернулся к себе. Там он включил свой компьютер (avasi tietokoneen) и отправил премьер-министру и министру финансов e-мэйлы, в которых значилось: «Прошел более доверительный, чем у хозяина Саво визит в колючий амбар. Снимают все субсидии Финляндии. Договорились между собой. Не могу с этим ничего поделаться. Дело будет официальным в ближайшие недели. Надо реагировать, если нужно или если полагаете, что можно сделать что-то..»

Некоторое время он подумал, не удалить ли последнюю фразу, но оставил, чертыхнувшись. «Не успеет финское правительство за пару недель нанести большего ущерба», - размышлял он. Потом он отправил также и Палле: «Прошло как надо. Запускаем карусель. Лассе.»

Гл. 17

Премьер-министр утром читал сообщение Лехтинена и ругался. Если бы он не был трезвенником, то пригубил бы чашечку «Коскенкорва». От приграничного сотрудничества не предвиделось ничего хорошего: из этих денег пока не получено ничего, кроме того, что сотня советников ездила в этом году на «Мерседесах». Но срезание субсидий сельскому хозяйству всё же произошло.

Иронически посмеиваясь, он отметил, что был весьма дальновиден, когда при вступлении на должность сказал, что, к счастью, ему уже недолго осталось работать. Поистине работой напоследок осталась карьера в таком мошенническом аппарате премьера, при чьем правлении с Финляндии были сняты сельскохозяйственные субсидии. Поговорив немного со своим политическим секретарем, он пришел к выводу, что козни уже не посмеют строить еще и силами чиновников. Политически было бы лучше, если бы дело можно было представить публичности так, что это стало полной неожиданностью для всего правительства Финляндии. И что такое решение было подготовлено в Брюсселе втайне от бывших там финских чиновников.

Министр финансов тоже читал сообщение Лехтинена, и ему сразу захотелось использовать неудачу своих коллег. Однако поразмыслив, он пришел к тому же решению, что и премьер-министр. Было бы лучше предать дело гласности, лишь когда оно станет официальным. Тогда демократы могли бы сказать, что за это дело отвечают мошенники-бюрократы в Брюсселе и министры в Финляндии, которые не удосужились рассказать демократам об идущих переговорах, потому-то они и шли. Для надежности министр финансов попросил политического секретаря пояснить, отчего бы экономика государства не выдержала добавления отечественных субсидий сельскому хозяйству. Объяснение пошло бы публикацию за пару дней до того, как из Брюсселя дошли бы опубликованные сведения об отмене сельскохозяйственных субсидий. Такая двойная ловушка привела бы «поле Кеппу» в такое замешательство, что те принялись в манере угро-финнов обвинять друг друга, а не приводить в порядок свои ряды, и стали бы обвинять демократов, что они присоединились к ЕС и заставили земледельцев умирать с голоду.

Палле был несколько удивлен, когда Василий вошел к нему в кабинет. Он не мог вспомнить, по какому бы случаю, ведь он даже несколько дней не говорил с Василием. Когда обменялись новостями, Василий поставил большой свой большой кожаный портфель на стол и с торжественным видом открыл его. Палле попытался заглянуть, что было в портфеле, но Василий ревниво повернул его так, чтобы Палле не видел его содержимого. Медленно и степенно извлёк Василий из портфеля поллитровую бутылку водки и две стопки.

Будто священнодействуя, он поставил на стол две хрустальные стопки. Палле следил за его действиями с удивлением и был еще более поражен, когда заметил на стопках выгравированный текст: «В память основания Терийокского университета». Василий поднял свою стопку, Палле взял свою, внимательно глядя в глаза Василию. Василий начал свой тост:

- Палле, мы пьем за долгую дружбу Финляндии и России.

Стопки были осушены до дна, и Василий наполнил их снова.

- Надо пускать дело в ход, Палле. Надо ковать железо, пока горячо, потому что если мы не возьмем дело в свои руки, может произойти что угодно. То-есть может произойти что-то, чего я не планировал. Что то же самое.

- Это если ускорим. Всё же пока медленно идет. Премьер-министр не склонен поддерживать создание университета, Ханко не одобряют как газовый порт, нигде не находится участка берега ни тебе, ни твоим приятелям, ни один профессор не соглашается поступать на работу к Матти, финские программирующие предприятия не удаётся купить, так как они ничего не могут и потому заламывают бешеные цены за свои акции, у страны срезана сельскохозяйственная поддержка Европейского Союза, и осень наступает. Так что тихо стало.

- Всё решится, Палле. Конечно, если дела привести в порядок.

- Чтобы предприятия не дешевели бы, сельхозсубсидии не срезались и береговые участки стали бы находиться?

- Конечно.

- Не подскажешь ли, каким это образом?

Василий удивлялся унынию своего друга. Небольшая неудача проекта, и человек сникал, хотя решение было совершенно ясно. Потом Василий вспомнил, что не рассказал всего, что успел сделать в этом направлении. То есть в том, которое, по мнению Василия, было единственно правильным. Так что он принялся заполнять те пробелы, которые мешали Палле увидеть то, что было почти подготовлено.

- Всё решится, когда ты арендуешь у нас Терийоки.

- Что?!

- Арендуешь Терийоки. Или не ты, а финское государство. Там есть участки и мне и друзьям, университет рядом, и новый можно создать.

- Да я никогда не возьмусь за проект «Карелию обратно»! - воскликнул Палле.

- Возьмёшься. Тебе имеет смысл.

- Да уж, конечно...

Василий разочаровывался в Палле. В проекте с Пелькосенниemi у него было гораздо более напора и рвения. Дела с женщинами, наверное, мучают его. Не следовало бы взять с собой Миру и разговорить её? Женщинам Палле всегда говорил «да». Но если он этого не заметил, ему самому, наверное, следовало дать понять это Палле. Прежде, чем Василий успел продолжить, Палле воскликнул:

- Терийоки! Почему именно Терийоки? Если ты хочешь для своих товарищей участки в Терийоки, неужели они не могут купить их там?

- Не могут, потому что это Россия. Это я много раз тебе объяснял. И если ты не смог приобрести их там, я решил устроить это в Терийоки. И поэтому они должны стать частью Финляндии.

- Но пока это не так.

- Юридически будет так, если Финляндия арендует их.

- Нет у государства таких денег. И русские нем его не дадут арендовать ни за что. Он же, как тебе хорошо известно, одна из частей Петербурга. Мы же не сдадим тебе Кулосаари, хоть и попросили бы.

- Не хотим мы арендовать Кулосаари. Или, конечно, смотря по цене...

- Василий, это лишь к примеру.

- Ага. Так если Финское государство арендует Терийоки, это будет часть Финляндии, моему другу не понадобится виза, чтобы поехать туда. Возьмём, допустим, от Кивеннапы еще земли, так что поместится университет и кампус (студенческий городок). Профессора смогут с

утра преподавать в Петербургском университете, а к вечеру трамваем прибыть преподавать в Терийокском университете. Великолепное решение, не так ли?

Палле вздохнул. Как бы глупо это ни звучало, в этом был смысл. Во всяком случае с точки зрения Василия. Уж он-то смог бы, это было вообще возможно, при общем желании. Участки для дач на берегу приятелям, университет для их детей, и кампус рядом. И в Питер на трамвае можно съездить. На минутку Палле представил себя говорящим премьер-министру, что ему надо арендовать у Путина часть города, чтобы товарищи Василия получили дачи рядом с морем. Потом он отрицательно потряс головой – нет. Ни в жизнь не пошел бы он говорить об этом ни с одним министром.

- Палле, тебе следует идти сказать твоему премьер-министру, что он арендует Терийоки. Цену можно подсказать умеренную.

- Конечно я не пойду. Это уже сейчас кажется мне глупостью.

- Не думаю, если бы Союз не срезал сельскохозяйственные и другие субсидии Финляндии.

- Это контролируют?

- Пока нет, но как только премьер-министр заявит, что он хочет арендовать Терийоки, мы дадим в Брюссель совет от русских.

- Мне кажется, это надо согласовать именно в таком порядке.

- Мы, русские, любим порядок.

Палле ничего не сказал. Он старался понять мысли Василия. Тот наверняка еще не раскрыл ему всего. Василий заметил, что Палле всё еще сомневается и решил утвердить в своём друге веру в совместный проект.

- Палле, аренда Терийоки ничего не будет стоить финскому государству.

- Значит это будет арендой?

- Нет, конечно.

- Ну тогда оно платит.

- Не будет платить. ЕС это оплатит.

- Они срезают нам субсидии а не добавляют их.

- Ничего на своем холоде они не срежут. Во всяком случае, немцы: Сибирь учит.

- На своем холоде?.. Сибирь?..

- Откуда я знаю, холодно ли будет следующей зимой?! Они - наверняка. И сибирский холод немцам знаком. Пара армейских корпусов замерзли стоявши.

- Теперь они уже не нападают на Россию.

- А им и не надо. Всё равно Сибирь учит.

- То-есть?

- Если ЕС не отдаст тебе деньги за приграничные территории, на Сибирских газовых месторождениях могут зимой вспыхнуть забастовки. Тогда не сможем мы поставлять в Германию газ. Вообще забастуют, смотря по тому, холодно ли будет в Германии. Приграничное сотрудничество определится так, что на эти деньги Финляндия сможет арендовать Терийоки. И это не всё. Денег должно идти столько, чтобы можно было построить помещения университету и его студгородку.

- Немецкие ребята задерутся, если им станут угрожать.

- Не станут угрожать, говорю тебе.

Палле стало смешно. Он представил себе Лехтинена, сидящего в изящном Брюссельском ресторана и рассказывающего представителю Германии, как им свалится снег на голову, если затронут финские субсидии. Может быть, Лехтинену пришлось бы самому заплатить за этот ужин.

- Премьер-министр не арендует Терийоки, потому что получит за приграничные территории обратно деньги, которые потом отдаст тебе.

- Еще неизвестно.

- То-есть?

- Потом пойдёт, когда получит назад сельхозсубсидии. Он же представляет аграрную партию.

Палле подумал. Хотя у него не было ясной картины, каким это образом Финляндия могла бы арендовать Терийоки в его домами и русскими, он верил, что премьер-министр смог бы это сделать, если бы взялся спасти сельхозсубсидии. Василий прервал размышления Палле и стал детальнее разъяснять, что еще будет в Терийоки, когда он станет частью Финляндии. И чем дольше Василий говорил, тем более Палле соглашался с его предложением. В самом деле, аренда Терийоки обещала пользу Финляндии.

Наконец, Палле одобрил эту идею, когда Василий догадался упомянуть, что сразу после того, как финское правительство арендует Терийоки, он возьмёт его в субаренду для созданной им фирмы, которой бы владели втроем Василий, Палле и Матти. Василий объяснил, что так пришлось бы сделать, потому что он не доверяет капиталистической модели. Если бы арендатором стало государство, в Терийоки могла бы заявиться группа «зеленых» перечислить и канючить о схемах и тому подобном. Василий объяснил Палле идею, как живущие в Терийоки сейчас русские могли бы и далее жить у себя дома, и как новые жители и новые фирмы переселились бы туда. Когда Василий добавил, что друзья намерены перевести изрядную долю бывших в его распоряжении фирм по разработке программного обеспечения (yhtiöiden ohjelmistokehityksistä) в свободный город Новые Терийоки, Палле затих.

Молодец, братец, - думал он о Василии с завистью. И был прав (Eihän tämä nyt voinut olla oikein), так как воспитанник бывшей коммунистической власти учил его рыночному хозяйству [...] Ему следовало бы самому до этого додуматься. С другой стороны, если он сам не успел, то лучший вариант, что додумался приятель. Да еще такой приятель, у которого нет нужды в мелких деньгах. Поскольку Василий предложил, чтобы та фирма троих, которая стала бы субарендатором Терийоки у финского государства, размещала бы свою возможную прибыль прямо в Терийоки. И доход был бы, так как в Терийоки более чем достаточно участков, которые новая фирма могла бы сдавать в аренду новичкам. Продавать их нельзя, так как сам-то квартирант.

Когда Василий еще пояснил, что, насколько можно понять, г.Ханко, как газовый порт – лучшее, что можно сделать, и что строительство трубы через Финляндию не проблема, Палле уже был так воодушевлен, что сам налил водки, выпил до дна и спросил Василия, можно ли взять хрустальные бокалы на память. На что его друг Василий обрадовано заметил, что для того и сделана гравировка, чтобы они остались на память об этом. Палле выпил бокал до дна и затем осторожно поставил его на почетное место книжной полки. Хотя его несколько беспокоило замечание Василия, что это память об этом этапе. Можно надеяться, что Василий имел в виду, этап этого проекта и не планировал ничего нового.

Когда с делами было ясно, отправились на ленч. И Палле совершенно не удивился тому, что перед его офисом был поставлен большой черный «Хаммер», из которого весело помахивали черные куртки Василия.

Несколько недель спустя Лехтинен позвонил Палле из Брюсселя и сказал, что ЕС на этой неделе опубликует урезание субсидий Финляндии, и спросил, что делать и когда. Палле попросил Лехтинена через пару дней пригласить немецкого представителя на ужин. Он сказал, что пришлет Лехтинену копии из нескольких номеров «Экономической газеты» и «Moskow News», которые выйдут на-днях. Во время долгого разговора Лехтинен и Палле проработали детальный план действий. Все было утрясено так, чтобы делалось в верном порядке и было расписано по минутам.

Сразу после этого Палле позвонил Матти и попросил запустить проект с газопроводом. На то, чтобы все общины, через которые протянется газопровод, дали своё согласие, потребовалось лишь несколько дней. Матти поинтересовался, имеет ли смысл такая предусмотрительность, пока нет уверенности, что в Ханко согласятся с превращением их гавани в газовый порт. Палле ответил, что имеет смысл. Из Ханко, наверное, сами позвонили бы Матти в конце недели и попросили бы его снова прибыть в Ханко уточнить предложение. Матти, по прежней политике жителей Ханко, был не очень уверен, что Палле удастся за неделю изменить мнение жителей Ханко, но Палле холодно заметил, что они, конечно, изменят, а то потом все постепенно отправятся прочь из Ханко, начиная со Свена и Бу.

Наконец, Палле попросил, чтобы Матти послал Юсси в Питер к Василию, чтобы они могли уточнить порядок сотрудничества фирм Пуйкко новыми компаниями из фирм-друзей Василия. Когда Матти попробовал поставить уточняющие вопросы, Палле заметил, что он ничего из них не понял, но Василий отметил, что лишь тем друзьям, которых захотят фирмы Пуйкко, разрешат помогать Финляндии. Когда Матти еще сказал, что до брата довольно медленно доходит, тот буркнул, что это из того же дерева, что и он сам. Притворился обдумывающим, а сам-то игрок...

Толкнув проект на последний этап, Палле позвонил Каппе и попросил его заскочить к нему в офис, и сейчас же. Пекка пытался объяснять, что у него через час встреча с клиентом, которую нельзя откладывать. На это Палле сказал, что в Хельсинки из десятка нашелся бы наверное такой адвокат, который захотел бы составить соглашение об аренде Терийоки. Каппа подумал немного, дать ли Палле позабавиться, и решил, что, наверное, даст, но всё же арендовал бы Терийоки. Каппа отложил встречу с клиентом, и отправился в офис к Палле.

Редкий юрист мог бы [хоть раз в жизни] составить такие договоры, в которых арендовалась бы у великой державы часть ее недавней столицы. Прибыв к Палле в офис и услышав о плане Василия и Палле, Каппа подумал, что [лучше он] бы не откладывал встречу с клиентом, а дал Палле заказать все договоры в каком-то другом офисе. Ибо дело было не только лишь в договоре аренды, но в гораздо более серьезных делах. Когда Каппа рассказал обо всех деталях, чего нельзя делать или хоть и можно бы, но никто такого не подписал бы, Палле отложил горящую сигару и долго смотрел на Каппу.

- Слушай, Пекка, Годится ли на будущее следующее разделение труда. Я рассказываю, чего я хочу. Ты составляешь такие договоры которыми я получаю что я хочу. Я же потом получаю на них подписи. А если какой-то пункт кажется тебе незаконным, составляешь новый законопроект, по которому это законно. А я веду дело так, что парламент, и, может быть, европарламент одобряет наш закон.

- В принципе да, но...

- Ну, законник! Неужели ты не можешь ответить, да или нет...

- В принципе могу.

- Так отвечай.

- В принципе мне следует рассказать шефу, что я думаю о предполагаемом договоре.

Всегда надо удовлетворяться меньшим. Ведь часто война не выигрывается выигрышем каждого сражения. Иногда мудрый генерал проигрывает битву чтобы сохранить ресурсы для более важных схваток.

- Ох, святая Сильвия, речь идет об очередных учениях или об аренде Терийоки?!

- Скажу лишь...

- Не надо. Скажи, да или нет.

Каппа, по его мнению, сделал всё, что мог, чтобы его шеф не сделал промаха, но поскольку тут было, вроде, маниакальное желание осрамиться, то что на это еще можно было сказать...

- Так договорились?

- Что?

- Что я составляю такие договоры, как ты хочешь. Что я уточняю, укладываются ли твои требования в рамки действующих законов – на это уйдет пара дней. Если не укладываются, то какие законы надо менять и где. Даже если это впустую, ты платишь и решаешь.

- Что впустую? Впустую тут некогда делать.

- Эти договоры. Никто на это не согласится.

- Разве мы только что не успели согласовать?

- Успели, но, словом, едва ли. Чтобы ты потом не удивлялся.

- Парень! Вообрази, как ты еще удивишься. Держи мобильник включенным с конца недели. Могут быть срочные поручения. И смотри передачи новостей. В них могут быть интересные вещи.

Сказав это, Палле выпроводил Пекку. Когда дверь была закрыта, Палле позвонил секретарю премьер-министра и попросил себе время приёма на утро пятницы Секретарь

заявил, что премьер-министр в пятницу очень занят, на что Палле ответил, что если сельхозсубсидии могут интересовать премьер-министра, имело бы смысл освободить утром часок. Через пять минут секретарь премьер-министра позвонил и пригласил Палле в пятницу к девяти часам на утренний кофе во дворце статского советника.

Конец дня Палле провёл у телефона, согласовывая детали различных стадий проекта и то, в каком порядке их следовало осуществлять. Матти попросил Палле притормозить запуск проекта, чтобы успеть провести дело через отца. Палле обещал подождать. Глядишь, старый лис Аапо заметил бы еще зацепки. Матти сказал, что сразу мчится в Кеуруу и обещал расчитаться сразу же, как успеет рассказать своему отцу, что происходит.

Разговор Матти и Аапо продолжался долго. Аапо, по-правде, никак не мог взять в толк, чего ради всё это. И отцу Аапо сначала не открыли, какова роль фирмы Пуйкко в создании университета, аренде Терийоки и превращении Ханко в газовый порт. У Матти были некоторые трудности с тем, чтобы растолковать отцу, так как он, по-правде, и сам-то не понял, как это босс решился так вот броситься, очертя голову настолько, что башня дачи в Ханко перешла в газовый порт, покупка нескольких маленьких фирм - в создание университета и поиск Василием с приятелями участков для дач – в аренду Терийоки. И, наконец, в этом деле в качестве побочного продукта было спасение субсидий ЕС Финляндии на десяток лет. Это было единственным, что понял Аапо. То, что для Финляндии совсем кончилось бы земледелие, если бы им пришлось заниматься без субсидий.

Раза два Матти приходилось звонить Палле, чтобы убедиться, что надо было делать именно сейчас. Иногда пояснения Палле не помогали, и Матти приходилось давать телефон Аапо, которому Палле пытался объяснить все взаимосвязи. Аапо отнесся с сомнением к предлагаемой Василием помощи, но когда Палле объяснил еще раз, что без помощи Василия к Финляндии отнеслись бы как сироте при распределении денег ЕС, Аапо дал свою осторожную поддержку проекту. Когда Палле напомнил, что уже не первый раз фирмы Пуйкко стали добиваться скорости от соседей, у Аапо это вызвало улыбку. Услышав еще, что Василий помог хорошенькой русской женщине, Аапо уже был того мнения, что такое «дежа-вю» было и уже прежде.

- Ребята. В больших делах должны быть большие и справедливые цели. А если в больших – маленькие цели, то и дела ужимаются. В малых делах можно тянуть, даже тащить на себя, но в больших, которые касаются многих людей, должна быть широта взглядов. О своих делах, конечно, надо заботиться, но надо и других брать во внимание. Так что если договоримся, то тут потом никто не попытается гнаться за своей выгодой.

Матти не смог ничего сказать на это, а Палле начал тяжело дышать – «Наверное, тут Финляндию совсем задаром собрались спасать.» Прежде, чем Палле успел произнести что-то, Аапо продолжил [свои соображения]:

- До Кеуруу слышно, как ты, Палле пыхтишь. И, конечно, я это понимаю. Сгоряча тут, конечно, покажется, чтобы я, старый человек отработывал место. Но такие дела завязываются надолго. Надо подумать, что на благо Финляндии и финнам. И действовать соответственно. Чем больше у финнов покладистых, тем удобнее приезжать сюда ... Часто если ты богаче других, то и жизнь проходит в одиночестве. Да еще если ты думаешь, что ты скопил денег, не делаясь с другими, то может сиротой танцевать. В Финляндии любят порядочного и успешного человека.. Иного если раскрутишь как следует, тоже, скажут, успешный. И если не позарился на чужое, тоже посчитают успешным.

Ведь это не от кого-то отнято если достиг, чего хотел. Лишь то, что в этой карусели Союз не заберет у Финляндии субсидии, уже будет на пользу финнам. Конец наступает торговле; не было бы конца, если бы мы не проследили. Так что теперь никто не сможет поморщиться, если мы заработаем это.

Наверняка не сможет. Но недостойно делать так деньги. Тут в руках такое дело, которое, если верно вести, может быть очень на пользу отечеству. Если это удастся а почему бы не удалось, в финских предприятиях может начаться порядочная суэта. А именно в таких предприятиях, у которых во главе молодая команда, и работа идет. Им так кажется, что и в

этой стране стоит напрячься. Чем их можно вдохновить, если на этой стороне границы накапливающиеся от предпринимательства деньги заберет государство, а в Терийоки – Палле Хиекка. Так не лучше ли те их деньги отдавать тебе, чем государству. Так что если фирма Пуйкко нужна для этого дела с арендой, эта фирма не намерена заработать на этом ни евро.

- Но, Аапо, тут же пойдут бешеные деньги.
- Тогда [пусть] это пойдет на развитие Терийоки.
- И фирмы кинутся туда толпой, раз им не придется платить налоги.
- Тогда оплатят финскому государству еще аренду Терийоки.
- Аапо, мы говорим как минимум о сотнях миллионов евро. Может, миллиарде-двух.
- Они отдаются государству.
- Почему?
- Потому что мы финны.

Палле вздохнул и подумал некоторое время, можно ли осуществить проект без фирмы Пуйкко. Наверное, можно бы, но в этом случае почти невозможно найти новые компании. Он лихорадочно обдумывал другие возможности потерять возможные доходы за аренду Терийоки, кроме того, что отдать их в бездонную кассу государства, но отвергал идеи, как только они появлялись. Ну, дерьмо, подумал он, наконец; не останавливаться же из-за этого на полпути, раз тут нельзя заработать. Но поскольку Палле пока еще не научился прогибаться, он поставил условие согласия:

- Аапо и Матти! На одном условии кладется это в кучу, чтобы никто на этом не зарабатывал.
- Что это за условие? – Спросил Аапо.
- На те деньги ставится пометка.
- Какие деньги?
- Те, которые отдаются государству.
- Ставятся пометки – какие?
- Что деньги должны направляться на поддержку разработки продукции малых и средних предприятий.
- Нам это годится, но поможет ли эта пометка?
- Почему так?
- У государства есть обыкновение пускать меченные и прочие деньги вперемешку. Если получают от нас деньги, срежут деньги на разработку продукции на ту же сумму. Так это действует.
- Помешают этому.
- Как?
- Будет поставлено условие, чтобы мы отдавали не менее того, что и государство (korkeintaan saaman verrain kuin valtio). Не посмеют срезать, раз при этом срезают получаемые от нас деньги.
- На этом и согласимся, Палле.

Гл. 18 сс.304-329

Очень многие не заметили заметок, появившихся в «Moscow News» в начале следующей недели. В первой говорилось о том, что в России ожидается рекордный за все времена урожай зерновых. И не только урожай зерновых, но и винограда. Министр сельского хозяйства рассказывал в интервью, что, так как не было предусмотрено рекордного урожая, в стране не было достаточно зернохранилищ, России придется продать по бросовой цене часть своего урожая на мировых рынках или отдать любому испытывающему нужду народу. Попутно министр сказал, что подобный же гигантский урожай будет у украинцев, тоже славянского народа. И у обоих урожай винограда, вероятно, превзойдет прежние рекорды. И хотя вино нравится родственным русским народам, таких урожаев хватило бы на рекордный экспорт. Нельзя же вечно хранить вино в чанах.

Другая новость состояла в том, что Дума одобрила создание профсоюзов, и первые профсоюзы были созданы на нефтяных и газовых месторождениях Сибири. Газета полагала, что разрешение профсоюзов могло вскоре привести к тому, что они опробовали бы границы законности и могли бы даже получить одобрение права на забастовку. Тем более, что зарплата на тех и других была небольшой. К тому же редакция полагала, что забастовка, если она возникнет, будет приурочена к самому холодному зимнему времени, когда ее эффект был бы наибольшим.

В третьей статье рассказывалось, что в проблеме со сточными водами Петербурга, наконец, были кое-какие сдвиги. Дума отпустила для Петербурга средства на строительство сооружений для очистки сточных вод, однако при условии, что город смог бы проявить свою способность увеличить поставки российского газа на западные рынки. В телефонном интервью, данном губернатором Матвиенко, она подтвердила, что это уже готовится. При этом она сказала, что увеличение поставок газа повлияло бы, конечно, и на поставку в Россию штучного товара (karpaletavaraliikenteseen) и что эти два дела связаны между собою.

Губернатор продолжила, что сооружения для очистки сточных вод были временным решением, и прежде, чем очищать все сточные воды Санкт-Петербурга, можно было бы продолжить канализацию далеко в открытое море. По её представлениям, канализационные трубы можно было бы вывести вдоль международной акватории по дну, не спрашивая каких-либо разрешений. Губернатор Матвиенко полагала, что берега были бы пригодны для купания в течение нескольких лет, если не более того.

Статьи остались без внимания в печати западных стран, но Лехтинен согласно полученных им указаниям, вырезал их для сохранения. Хотя в Ханко, конечно, не читали «Moscow News», на содержащиеся в них намёки русских было обращено внимание. Через несколько дней после того, как статьи были опубликованы, Свен с удивлением позвонил Бу.

- Бу, есть ли у тебя какие-нибудь сведения, почему на этой неделе в порт пока не прибыло ни одного автомобиля?

- Наверное, у них склады полны.

- Или, значит, прибыли. Но лишь на свободный склад. Ни одного автомобиля не прибыло для вывоза в Россию.

- Почему бы они могли вдруг кончить покупку автомобилей? Может, в таможенных формальностях произошли изменения?

- По нашим сведениям, нет. Пароходство тоже удивляется. Они говорят лишь, что после последней пятницы не было погружено ни одного автомобиля для транзита.

- Попробуй выяснить, отчего это.

- У кого?

- Не знаю. У кого-нибудь. Придется нам опять запускать перевозки. В порту пропадет половина рабочих мест, если русские не будут ввозить свои авто через него.

- А у города треть дохода.

- Пуйкко!

- Что Пуйкко?

- Это «достижение» Пуйкко.

- Только не тут.

- Это он.

- Не может Пуйкко запретить торговлю автомобилями. Никак!

- Как-то ему удалось.

- Позвонить ему?

- Не звони. Конечно, мы это услышим, если это за ним.

У Матти Пуйкко не было времени разговаривать с отцами города. Во всяком случае, именно сейчас, так как они с Мирой были на пути от Ваалимаа к Ханко. У Миры были с собой карты, а также доверенности от Путина и Матвиенко. По доверенности Путина она представляла экспортера газа, а по доверенности Матвиенко она вела дела по очистке сточных

вод Петербурга. Матти и Мира ехали на встречу с руководителями общин, через которые шел маршрут газопровода.

Каждый раз руководителям общины предъявляли трассировку газопровода. Предложение получало каждый раз ожидаемую реакцию, т.е. руководители общин все как один заявляли, что только через их труп проведут газовую трубу через их общину. Когда Мира меняла роль и представлялась ответственной за сточные воды, мнение изменялось. А именно, Мира рассказывала об идее Матвиенко продолжить канализацию дальше, в открытое море. И, как нарочно, конец трубы оказывался спроектированным как раз в месте той прибрежной общины, которая отрицательно относилась к газовой трубе. Тогда руководитель общины сразу давал разрешение, лишь бы конец трубы продолжили к западной границе соседней общины.

Медленно, конечно, продвигались Мира и Матти, но община за общиной накапливали у них предварительные соглашения. К концу недели Мира и Матти прибыли в Ханко. Когда они остановились у дачи Матти, и Мира подвела итог, она посчитала, что все общины Финляндии от Ваалимаа до границы Ханко отнеслись положительно к проведению газопровода. Что тут медлить,- подумал Матти, набрал телефонный номер Свена и договорился о встрече. Свен обещал прибыть к даче час спустя и попросил разрешения взять с собою Бу. Матти ответил, что пожалуйста, у него тоже есть поддержка.

Встреча началась в тишине. Бу и Свен кипели от злости, и Матти, по-правде, не знал, с чего начать. Мира решила взять инициативу в свои руки.

- Уважаемые господа, я полагаю, что шеф Пуйкко предварительно изложил вам план того, что мы расширили бы сотрудничество в порту Ханко.

- Отчасти вы правы. Он предложил такой план, но вы ошибаетесь в том, что он предложил это в духе сотрудничества.

- Разрешите мне осветить это.

- Пожалуйста.

Мира осветила вкратце ситуацию с Петербургом.

- Если придется строить газовый порт в оконечии Финского залива, России надо увеличивать мощность ледоколов. Ситуация со льдом в оконечности Финского залива зимой часто очень тяжелая из-за нагромождений торосистого льда, а работа газового порта круглогодична. Вы, конечно, понимаете, что поскольку мы инвестируем много денег в ледоколы, деятельность порта придется расширить, хотя бы на торговлю штучным товаром.

- Например, автомашинами,- ответил на это Свен.

- Например, автомашинами.

- Но если вам не удастся расширить газовый порт, то лишь для торговли штучным товаром, наверное, не имеет смысла увеличивать мощности ледоколов?

- Вы, наверное, правы. Не особенно, если у нас такое чувство, что там, где мощность ледоколов не столь нужна, есть дружественный город, на порт которого мы можем положиться, и порт которого мы можем совместно расширять.

- Например, такой, где есть газовый порт.

- Например. Особенно если газовый порт построен в тесном сотрудничестве.

- И если таковой строим в тесном сотрудничестве, сотрудничество, наверное, продолжается по части торговли штучным товаром.

- Полагала бы это само собой разумеющимся.

Свен попросил разрешения посоветоваться с Бу. Мира заявила, что, наверное, действительно пора бы сделать небольшой перерыв. Свен и Бу вышли на террасу и устроились покурить. Бу начал разговор.

- Свен, если бы эта девочка была не столь красива и вежлива, я сказал бы, что она занимается вымогательством.

- Нехорошо говорить, что она вымогает. Или нет, конечно, она вымогает. Но вымогает красиво. И мы не можем сказать, что у русских нет права везти свои автомобили через другие свои порты.

- Можем, однако.

- Но не скажем.

- Не стòит.
- К чему этот Пуйкко здесь?
- Он это задумал.
- Но зачем ему это?
- Башня его... Он вынуждает нас дать согласие на его башню.
- Ни в жизнь! - воскликнул Бу.
- Может быть, придется.

Мужчины покуривали, кивая, и, докурив сигареты, вернулись. Они заметили, что Матти покраснел несколько более обычного, и что Мира выглядела очень целеустремленно. Свен продолжил разговор.

Предпожим, таким образом, – в данном случае лишь предположим – что город был бы заинтересован в сотрудничестве. Насколько вы уверены, что ото всех общин, через которые пришлось бы тянуть трубу, будет получено согласие?

- У нас уже есть предварительные разрешения.

Свен побледнел. Если все общины от Ханко до Ваалимаа уже дали согласие, у Миры еще что-то было в запасе. Некоторое время он думал, не попросить ли вторично перерыв, чтобы можно было позвонить руководителю города Таммисаари и спросить, как его на это вынудили. Но что он мог бы сделать с этими сведениями? Вместо этого Свен, лихорадочно размышляя, перебирал общины от Ханко на восток. На первый взгляд газовый порт можно было бы разместить, по крайней мере, в Инко, Хамина или Котка. Ведь Ханко было не единственной возможностью.

- Это великолепно, смог он лишь выдавить сквозь стиснутые зубы. – Могу ли я еще спросить, какого типа сотрудничество вы полагаете по части газового порта?

- Мы понимаем, что целому городу Ханко строительство газового порта с установками для сжижения газа было бы экономически трудным делом. Поэтому мы и предлагаем, чтобы русская сторона отвечала бы за оплату трубы и газоконденсатной установки, а для газового порта создавалось бы совместное предприятие. Так как газ идет из России, мы сможем дать ссуду на совместное предприятие, а предприятие возвращает долг как сможет, например, из получаемого от иностранных судов портового сбора.

- А собственность общества?

- По-моему, «пятьдесят на пятьдесят», но так, что у города бòльшая часть.

Свен подмигнул Бу. Здесь должна быть какая-то собака зарыта. Эта красивая и толковая женщина предлагала слишком уж хорошие условия.

Отцы города Ханко не могли знать, что отец Аапо поставил этому проекту условие, которое Василий со смехом одобрил. Василия развеселило, когда многолетний капитализм требовал от нуворишей вести социалистическую торговлю. Он согласился, но еще спросил у Аапо, можно ли газ продавать на мировой рынок, даже немцам и прочим. Аапо сказал, что у него нет на это ответа, но он не возражал бы, если бы в трубе поставили кран в местах таких общин, которые захотят купить газу. Василий заявил, что это годится, и смеялся больше прежнего, когда Аапо предложил и цену. Наверное. И скидку надо было получить, когда труба пройдет через Финляндию. Заканчивая разговор, Василий решил предложить Аапо погостить в Петербурге. У него могли быть приятные воспоминания о прежних посещениях. И качество одеколона было сейчас выше, чем прежде.

Свен пытался понять, есть ли у Миры такая задняя мысль, которую он еще не раскрыл. И при этом старался понять, какова роль Пуйкко в этой игре.

- И это всё? - Спросил Свен.

- В принципе. Юристы могут привести бумаги в порядок, если мы сможем продолжать в этом направлении.

- В принципе можем.

- Нас представляет Пека Каппа. Его вы, наверное, знаете...

«Ну вот оно как» - подумал Свен.- «Ведь Каппа – тот молодой юрист, услугами которого пользовался Пуйкко.»

- ...Если у вас нет ничего против, - продолжила Мира.

- У нас-то нет,- ответил Свен, хотя предпочел бы, чтобы любого другого юриста представляла бы Мира. – И другого, таким образом, нет, имея в виду условия, примерно в общих чертах?

- У шефа есть еще некоторое относящееся сюда дело, - ответили Мира.

Свен глянул на Бу. «Ну вот, теперь про башню, - сообщил он. – Большой же круг смог сделать Пуйкко из-за этой башни», – успел сообщить он, прежде чем заметил, что Мира пристально смотрит на Матти. Тот откашливался и откашливался, и не мог ничего сказать. Мира продолжала сурово глядеть, и Матти пришлось открыть рот.

- Это письмо Музейного управления. Тут может быть некоторая неточность.

- Господин Пуйкко имеет в виду, что, к сожалению, у нас случилась некоторая путаница в Петербурге. Дом, на чертеж которого ссылаются в письме Музейного управления совсем не тот, в котором мы сейчас находимся.

Мира закончила свою речь и опять внимательно поглядела на Матти. Тому пришлось продолжить.

- Так что это письмо не даёт мне права строить башню.

- Разве ты не... - продолжила Мира.

- Да уже я не так уж интересуюсь этой башней. Что касается этого дела.

- И... - продолжила Мира.

- И те липы. Их я посажу обратно.

Свен опять глянул на Бу, но на этот раз не сообщил ничего. Он почувствовал странную симпатию к Матти. Ведь тот полностью под каблуком этой молодой женщины. Не мог такой человек быть совсем плохим. Если бы был, то половина финских мужчин были бы плохи. Потому что Свен считал, что финские мужчины страдают от той же болезни, что и Матти. Не спрашивая ничего у Бу, Свен ответил Матти:

- Дело с башней было никак не личное. Была бы здесь лишь одна такая, она могла бы украшать местность. Но так как нельзя поручиться за всех соседей, мы с Бу почти что между молотом и наковальней. Если одному дать разрешение на свою прихоть, надо давать всем. И поскольку не всегда можно сказать, кому что взбредет в голову, то нельзя уступать чьей-то странной прихоти. И раз я оказываюсь так сказать, между молотом и наковальней, то и с этими липами можно не торопиться. Посадишь, так посадишь. Это не обязательно.

Матти глядел на Свена в изумлении. Чего это он вдруг так смягчился? Потом в Матти проснулся какой-то чертёнок, и Мира не успела вмешаться.

- Эта газовая труба – об этом согласовано до самой восточной границы Ханко. Так что я думаю, что...

Тут Матти нужен бы искусственный перерыв. Мира глянула на Матти с ненавистью. Ведь трассировку успели бы согласовать и потом. Свен же глядел с интересом и, в отличие от Миры, взглядом побуждая продолжать.

- Закапывать трубу в землю всё же порядочный труд. И связывает уйму транспорта. Наверняка имело бы смысл копать всё же так, чтобы уже не пришлось мешать жителям города. Если тут сейчас положено начало соглашению, то что если договориться, чтобы закопать эту трубу вдоль Аппельгренинтие. Не помешает никому, кроме владельцев дач. И те, наверное, смогут, в тех редких случаях, когда приезжают к себе на дачу, прошагать пешком немножко дальше.

Мира не поняла, что удивительного было в предложении Матти, но Свен понял и убедился более прежнего, что Пуйкко совсем неплохой человек. Действительно, земляные работы этого класса следовало вести несколько в стороне, чтобы не пострадали горожане. Так что Свен и Матти ударили по рукам и в этом деле. К удивлению Бу, Свен предложил, всем вчетвером отправиться отметить достигнутое соглашение в [пабе] Грёнан, на что Матти согласился, прежде чем Мира успела спросить, что такое Грёнан. За этот вечер Мира узнала много нового о финских переговорах.

Когда праздновалось возникновение газового порта, между Ханко, Хельсинки, Петербургом и Брюсселем, состоялось видеотелефонное совещание, на котором согласовали

точный ход проекта на следующей стадии. Василий подчеркнул, что всё должно проходить в точно определенном порядке и по точному расписанию, т.к. в конце концов всё зависит от всего, и никому не надо, чтобы осуществилась бы лишь часть проекта.

- Всё или ничего! - заметил Василий в заключение, полагая, что цитирует «Трёх мушкетеров» Дюма. Василий обещал отправить одного из своих «кожаных курток» стоять на Сенатской площади [в Хельсинки] перед зданием Государственного совета, чтобы Палле мог дать знак, как продвигаются переговоры.

Лехтинен обещал подтвердить уже тем же вечером, как у Ганса, так и Жана было с ним за утренним кофе. Палле отметил, что тройственное согласие легко достигнуто, и что ему надо лишь получить одобрение премьер-министра Финляндии на частичный возврат Карелии и основание нового университета. Мужчины пожелали друг другу спокойной ночи и каждый остался выполнять те полезные дела, которыми, верили, придадут проекту окончательную форму.

На следующее утро первым взялся за дело европарламентарий Лехтинен, встретившийся с немецким комиссаром за утренним кофе в расположенном на углу Еврокомиссии кафе. Он избрал это кафе, потому что знал, что Ганс через некоторое время позвонит французскому комиссару Жану и позовет его поскорее сюда. Обмен приветствиями произошел быстро, и Лехтинен поспешил перейти к делу.

- Ганс, заметил, наверное, что в России будет рекордный урожай?

- Не замечал. Лехтинен извлёк скопированную им статью и дал Гансу прочитать её.

- Тут упоминается, что это же касается и Украины, - сказал Лехтинен, когда Ганс успел прочесть статью.

- Да, тут упоминалось.

- И что Россия не в состоянии складировать такие количества зерна.

- И это упоминалось.

- Финляндия теперь в несколько своеобразном положении.

- Как это?

- Раз союз забрал у Финляндии сельхозсубсидии, в Финляндии больше не имеет смысла заниматься земледелием, как это было прежде.

- Вот как?

- И поскольку от Советского Союза остался порядочный долг Финляндии...

- Ну и что?

- ... Так теперь она начнет платить свой долг зерном.

- Это же хорошее решение. Оно очень кстати смягчит направленный на Финляндию удар.

- И сделает кое-что еще.

- Что же?

- Этого зерна пойдет очень много. Продавать будут очень дешево, ради старой дружбы. Его будет так много, что и в Финляндии не найдется достаточно бункеров для складирования его, и нам придется вывозить его куда-то.

- Как куда-то?

- В другие страны союза

- Нельзя вам так делать. Это зерно русских.

- Нет – после того, как оно в Финляндии.

- Это путает всю политику союза – дешевое зерно судовым грузом вокруг Европы!

- Можно и это сделать. И русские разрешают делать так всегда, когда их урожай превышает их собственные потребности. Сбрасывают по демпинговым ценам через Финляндию весь груз на рынки Европы.

Ганс был прожжённый политик. Он сразу понял, что Лехтинен чего-то хочет. Он быстро просчитал в уме ущерб, который дешевое зерно нанесло бы немецким земледельцам и привело бы к тому результату, что ущерб его электорату был бы многократным по сравнению с теми сельхозсубсидиями, которые снимают с Финляндии.

Некоторое время он думал спросить у Лехтинена, что произошло бы, если бы комиссия не снимала бы сельхозсубсидии с Финляндии, он потом он вспомнил, что об этом уже договорились с французами. Как бы склонить Жана к возврату сельхозсубсидий Финляндии?

Лехтинен наблюдал выражение лица Ганса и полагал, что тот как раз пришел к тому же что и он.

- Ганс, ты наверное, заметил, что в этой заметке упоминается и об урожае винограда.

- Не заметил, - отвечал Ганс.

- Он тоже рекордно большой.

- Наверное, у русских недостаточно хранилищ для него?

- Нет вообще.

- И они соберутся кроме зерна, чтобы сократить свой долг отправлять вино и в Финляндию?

- Наверное.

- Наверное и у вас недостаточно цистерн.

- Конечно, нет у нас столько.

- Так что вам придется везти его куда-то?.

- Русское постаревшее вино не удастся исправить.

- Так значит, например, на внутренние рынки Европы?

- Такая мысль наверняка возникнет.

Ганс попросил прощения и пошел звонить Жану. Вернувшись, он сообщил, что Жан присоединится к ним через 5 минут. Ожидая французского комиссара, Лехтинен попросил Ганса позвонить финскому комиссару. Ему пришлось следующие 10 минут звонить премьер-министру Финляндии и заявить, что именно сейчас идёт окончательное решение вопроса о том срезаются ли сельхозсубсидии Финляндии, и если будут срезаны, то насколько.

Ганс сделал, как просил Лехтинен. Комиссар Финляндии пытался полюбопытствовать, как можно совещаться, раз комиссия не в сборе, на что Ганс ответил, что дела решаются в другом месте и на комиссии благословляются. Когда Жан присоединился к их обществу, Ганс детально осветил ситуацию. Жан не особенно нервничал от того, что в Европу потекло бы зерно от русских, но услышав, что вслед за фурами с зерном покатались бы цистерны с вином, он совсем утратил самообладание и твёрдо заявил, что этого нельзя делать. Когда Лехтинен заявил, что если товар везут из Финляндии, то он уже в Европе, Жан застонал. Потом комиссары великих держав вышли из кафе постоять там.

Лехтинену было забавно следить, как логик-немец и философ-француз искали решения. Физиономия Ганса покраснела, а француз срывался на фальцет. Лехтинен решил в будущей своей книге упомянуть, что у логически мыслящего более низкий голос, чем у мыслящего философски. Когда он для памяти записывал своё наблюдение, комиссары вернулись к столу. Разделение труда было явно согласовано так, что логик говорил, а философ слушал.

- Господин Лехтинен, нам надо поговорить об этом. Нельзя ли поговорить об этом в помещении Комиссии?. Мы, наверное, найдем какое-то решение, которое удовлетворит обе или в данном случае все стороны.

- Да, конечно,- заметил Лехтинен.

Когда он шел к зданию комиссии, то восхищался искусством предвидения Василия. Василий предположил, что когда бомба положена на стол, комиссары почувствовали бы себя безопаснее, если переговоры продолжались бы в их собственном помещении, а не на нейтральной территории, вроде уличного кафе. Расстояние перехода было частью плана Василия: так для Палле оставалось бы достаточно времени для разговора с премьер-министром.

Когда Лехтинен и комиссары шли к зданию комиссии, Палле сидел в кабинете премьер-министра. После обмена любезностями зазвонил телефон премьер-министра, и премьер-министр, извинившись, стал отвечать на него. Во время разговора его вид изменился, став мрачным и жестким. Палле не был удивлен, т.к. именно в этот момент финский комиссар должен был сообщить плохие новости. Когда разговор был окончен, Палле спросил:

- Плохие новости?
- Они, - ответил премьер-министр.
- Могут срезать с нас, кроме прочих субсидий, еще и сельскохозяйственные?

Премьер-министр не ответил, но был по-прежнему бледен. С Палле Хиекка ничто не могло быть случайностью. Хотя сначала этого никогда не чувствовалось. То, что союз начал срезать с Финляндии все субсидии и по тому, что Палле Хиекка сидит здесь с неизменным проблеском в глазах, у того к нему какое-то дело. «Наверняка», - думал премьер-министр, хотя не находил никакого трюка, которым этот доморощенный коммерсант мог заставить великие державы танцевать под свою дудку.

- Это пока неофициально.
- И как таковое это не надо менять, заметил Палле.

«Ну, хорошо,- подумал премьер-министр.- Я же говорил, или только подумал... этот тут не случайно сидит.» Прежде чем он успел сказать что-то, Палле продолжил:

- Не надо, если Финляндия арендует Терийоки.
- Арендует Терийоки!..- вскрикнул премьер-министр.

Палле не успел ответить, так как телохранитель президента заглянул в дверь, чтобы проверить, не угрожает ли что-то жизни премьера. Премьер-министр отправил охранника прочь и продолжил, по-прежнему не контролируя свой голос:

- Терийоки! Причем тут Терийоки? У него не может быть никакого отношения к земледелию Финляндии. Терийоки – город.
- Часть города, – прервал Палле.
- Часть города – в городе не пахнут землю. И хотя бы в части города Терийоки вдруг и начали бы обрабатывать землю, то это не часть Финляндии.
- Некоторым образом, если Финляндия арендует его.
- Каким образом Россия станет Финляндией, если сдаст в аренду часть? Арендуй всю Россию, так Союз сразу махнет через Урал на восток.
- Могут не согласиться. Или откуда я знаю... Стоит ли им предлагать?
- Не стоит,- воскликнул премьер-министр.
- Терийоки – Европа, как только он будет арендован.
- Кто так говорит?
- Еврокомиссия десять минут назад, если верить Лехтинену. И, наверное, можно. Особенно если, как говорят, зима будет холодной.

- Сибирь учит.

Премьер-министр перевел дух. В этом мог быть какой-то смысл. Если бы он не ознакомился с материалами, он попросил бы телохранителя удалить этого мужчину из здания Государственного совета. Но раз там видно было, что у Палле Хиекка был обычай проверять дела, прежде чем идти их докладывать, придется, наверное, дослушать это до конца.

- И это ничего не будет стоить государству,- продолжил Палле.
- Даром что ли они сдадут это в аренду?
- Нет, но Союз возвращает те деньги на пограничное сотрудничество, правда, немного добавив. Половина идет на аренду Терийоки, а другая половина вкладывается в инвестиции.
- В инвестиции? - Так как там строится университет. Об этом-то мы успели уже поговорить. И еще студенческий городок. И «бизнес-инкубатор». Да, еще территория дач. Об этом я раньше не догадался упомянуть.
- Еще не догадался упомянуть про весь Терийоки, прошипел премьер-министр.

Премьер-министр лихорадочно обдумывал, по какому мандату государство может арендовать территорию чужого государства, но не особенно преуспел, когда Палле сунул ему составленную Палле бумагу, в которой это разъяснялось. Премьер-министр незамедлительно позвонил по нужным телефонам чтобы проверить полномочия и дать Хиекка твердое обещание, что государство арендует Терийоки.

- Текстовое сообщение, - напомнил Палле.

Премьер-министр набрал на своём мобильнике текстовое сообщение Лехтинену: «Финское государство принципиально готово арендовать Терийоки.»

Теперь мы можем выпить хотя бы кофе, - заметил Палле.- На это уйдет лишь минутка, прежде чем сможем продолжить.

Премьер-министр настолько смутился, что предложил Палле кофе из бумажного стаканчика. Палле встал и подошел к окну, прихлёбывая кофе. «Кожаная куртка» Василия поднял руку в знак того, что видит знак. Когда Палле вернулся и сел, «кожаная куртка» звонил Василию. Который, в свою очередь, позвонил министру нефти о газа. Который, в свою очередь, позвонил председателю только что созданного профсоюза. Через некоторое время позвонили те же телефоны, но в обратном порядке, с тем отличием, что Василий больше не звонил «кожаной куртке», а отправил Лехтинену текстовое сообщение: «Не бери веса».

Лехтинен уже успел прийти с Жаном и Гансом к тому, что если сельхозсубсидии Финляндии сохранились бы прежними, у Финляндии наверняка не было бы столь большой охоты брать русские зерно и вино в возмещение долгов, т.к. это помешало бы земледелию Финляндии. В братском единении Ганс и Жан повторяли то, что поняли оба, что теперь всё ясно. Сельхозсубсидии Финляндии остались прежними или, по существу, даже немного возросли. Сгоряча оба комиссара принялись наперебой обвинять служащих комиссии, что их в данном случае ввели в заблуждение. Пока комиссары обвиняли служащих, Лехтинен читал полученные им сообщения. В подходящий момент, когда оба комиссара одновременно переводили дух, Лехтинен продолжил:

- Государство Финляндия решило арендовать Терийоки у России.

Ганс первым пришел с себя:

- Какие Терийоки? У России? Зачем?

- Терийоки – старый финский город, который теперь часть Петербурга. Почему у России? Потому что в последней разборке он остался по ту сторону границы. Затем арендуется? Потому что он становится первой зоной свободной торговли союза и России. И, конечно на это повлияло то, что союз строит там первый, основываемый там по международной программе «Эразм», университет.

Жан уставился остекленевшими глазами на Ганса и потом на Лехтинена. «Философски размышляя, в речах Лехтинена не было логики», – вертелось в голове французского комиссара. Ганс перевел дух, так как он боялся, что Лехтинен не философствует, однако, хотя именно сейчас он этого не ощущал, в речах Лехтинена могла быть некая логика. Лехтинен подумал, что не стал бы помогать ему. Лучше бы они сами позвонили приятелям. Ганс подождал еще немного, но когда Лехтинен ничего не сказал, он заметил:

- Попробуем принять это логически.

- Это можно,- отвечал Лехтинен.- Если сперва позвонить комиссару Финляндии, то он успеет сказать премьер-министру Финляндии, что сельхозсубсидии всё-таки не срезаются. Он же сможет, вообще говоря, заключить, кроме договора аренды, еще договор о зерне, прежде чем потребуется помощь.

Лехтинен позвонил финскому комиссару и рассказал о недоразумении: финские субсидии не срезались, а их даже повысили бы на десять процентов. Увидев, что Лехтинен округляет, Ганс поправил, что на пятнадцать. Финский комиссар, по просьбе Ганса, обещал передать это прямо в Финляндию.

- Но эта зона свободной торговли... Союз не знает такого.

- Не знает, потому что прежде не нужно было знать,- ответил Лехтинен и протянул составленную Каппой бумагу Гансу.

В бумаге вкратце разъяснялось, какие директивы надо издать, чтобы Терийоки стали зоной свободной торговли. Важнейшими пунктами было то, что у зоны свободной торговли положение наибольшего благоприятствования как в союзе, так и в России. Иначе говоря, Терийоки могли бы выбирать наиболее выгодные постановления и таможенные правила России и союза. Вторым было то, что там взимались бы таможенные сборы лишь с живших и работавших там. Что было только десять процентов доходов. Эти деньги выплачивались бы без каких-либо вычетов Финляндии. Третьим пунктом было то, что союз возвращал бы Финляндии деньги за приграничное сотрудничество в двукратном размере. Часть этой суммы выплачивались бы России за аренду, а другая половина отдавалась бы зоне свободной

торговли Терийоки как инвестиции в строительство. Четвертым пунктом было краткое упоминание о том, что на деньги программы «Эразмус» в Терийоки строили бы университет и кампус на десять тысяч студентов. И, конечно, гражданам союза не требовалась бы виза в Терийоки, как и живущим там русским. И в Петербург можно было бы попасть по такому [международному] паспорту типа Нансеновского. Как и петербуржцам - в Терийоки. Иначе сотрудничество между Петербургом и союзом был бы затруднительным.

Ганс прочитал бумагу дважды и заметил Лехтинену, что Германия не может одобрить такое предложение. Лехтинен спокойно выслушал, потом опять дал Гансу копию газетной статьи.

- Сейчас в России разрешают даже забастовки.- сказал Лехтинен.

- Так это здесь написано.

- Теперь следовало бы, наверное, позвонить домой жене.

- Что так?

- И спросить, идет ли горячая вода из крана.

Ганс схватил телефон и уточнил это у своей жены. Разговор длился долго, т.к. жена была в ярости от того, что при утреннем душе пропала горячая вода. Ганс отключил телефон и с красной физиономией прокричал Лехтинену:

- Это вымогательство!

- Скажи, дорогой Ганс это тем русским, которые работают на газовых месторождениях и не получали зарплату за два месяца. Или, может быть, лучше позвонить тем, которые владеют газовыми месторождениями. Вообще имеет смысл набрать условный индекс Терийоки. Лехтинен объяснил обоим комиссарам великих держав, что и в России у рабочих должно быть право на забастовку, даже если это может привести к тому, что у жены комиссара утром останутся невымытыми волосы.

Палле же давал домашний урок премьер-министру малой страны.

[Пр.-м]: - У всего этого может быть какая-то связь, хотя я её не улавливаю.

[Палле]: - Наверное... Всё же я полагаю, что именно сейчас сюда позвонят и сообщат, что Финляндии возвращают, кроме субсидий сельскому хозяйству, еще и деньги на приграничные территории. И могут снова вдохновить на Северное измерение.

[Пр.-м]: - Тогда наверное. Не следует ли мне согласиться на что-то иное, чем то, что вы предложите?

[Палле]: - Не следует, отказ может спутать дела. Если это будет по части Киотского соглашения.

[Пр.-м]: - Это, вроде, никак не может связываться с Терийоки?

[Палле]: - Конечно, нет; или конечно, это косвенно. Когда этот газопровод, идущий на Ханко...

[Пр.-м]: - Не идет на Ханко газопровода.

[Палле]: - Пока нет. В этом договоре может еще стоять, что Финляндия получит известные скидки по этому газу, если дадут протянуть эту трубу через всю Южную Финляндию.

[Пр.-м]: - Ни одна община не согласится на такое.

[Палле]: - Уже согласились.

[Пр.-м]: - Даже слышать не хочу, как.

[Палле]: - Так что если газа поступит меньше того, что отпускается – намного и дешевле, то, наверное, это хорошо...

Премьер-министру захотелось сказать, что никакое из дел, о которых говорил Палле, никак не может быть хорошим, Но если верить словам Палле, это было бы хорошее дело. И если, судя по его материалам, словам Палле можно верить, особенно если он угрожал чем-то, газопровод был бы, наверное, хорошим делом. И это конечно не осуществилось бы, если бы Финляндия не арендовала Терийоки. Премьер-министр решил уточнить детали всего этого.

[Пр.-м]: - Если - пока говорю если - Финское государство арендует Терийоки, что оно при этом делает?

[Палле]: - Ничего.

[Пр.-м]: - Арендовать не значит ничего не делать.

[Палле]: - Или ...

[Пр.-м]: - Что?

[Палле]: - Сдаёт его в аренду одному создаваемому обществу.

[Пр.-м]: - Которым владеешь ты...

[Палле]: - В частности.

[Пр.-м]: - И за какую цену?

[Палле]: - Задаром.

[Пр.-м]: - Государство такого не делает.

[Палле]: - Сделает, если оно не будет готово использовать свои деньги на эту аренду.

[Пр.-м]: - За счет чего же это арендуется?

[Палле]: - За деньги на приграничное сотрудничество.

[Пр.-м]: - Они же государственные.

[Палле]: - Премьер-министру надо иметь в виду, что тех денег не будет, если не арендовать Терийоки. А также иметь в виду, что если Терийоки не арендовать, не будет и сельхозсубсидий. А также иметь в виду...

[Пр.-м]: - Кончай...

У премьер-министра начала болеть голова. Против него был непонятный международный тайный союз, представитель которого, Палле Хиекка сидел тут с ухмылкой на физиономии. И сверх всего, похоже было, что Палле воплощал хитрость всего этого тайного союза. Посреди размышлений премьер-министра зазвонил его телефон. Комиссар Финляндии сообщил, что Терийоки получил статус свободного города. Премьер-министр поблагодарил за информацию, не понимая, за что благодарит. Он искал взглядом какую-то знакомую вещь, с помощью которой он мог бы вернуться к реальности. «Это должно было быть сном. Точнее сказать, кошмаром», - подумал он в отчаянии и ущипнул себя. Палле спокойно подошел к окну и махнул рукой «кожаной куртке». Тот слегка кивнул, позвонил по телефону и потом вскочил в свой автомобиль. Палле представил еще уточняющие условия и разложил на поверхности стола бумаги, содержащие нужные изменения в законах. Финские студенты должны были получать стипендии также и при обучении в Терийокском университете. Переезжающим сюда финнам надо было сохранить их положение в социальном обеспечении Финляндии и еще кое-что, небольшое, но полезное. Прежде чем Палле удалился, из Брюсселя был еще звонок – сообщалось, что деньги на Северное простираие были удвоены из предположения, что на них поддерживались бы размещающиеся в свободном городе Терийоки предприятия по разработке новых видов продукции. Премьер-министр не смог сказать ничего, кроме как «спасибо за информацию».

Обессиленный, он в заключение спросил Палле, что ему надо сделать. Палле сказал, что достаточно, если его секретарь позвонит Пекке Каппа. Тут были точные указания и расписание того, что и когда делать. Из Брюсселя от Лехтинена в помощь прибыла бы получившая международное обучение молодая русская юристка Мира Голубка. Палле, уходя, благодарил премьер-министра за плодотворный и продуктивный разговор. В заключение еще заметил, что бы если это дело потом просочилось бы в печать, премьер-министр вошел бы в память как большой друг отечества. Ведь премьер-министр своими силами достиг того, что грозившее Финляндии срезание субсидий ЕС было предотвращено. Теперь в Финляндии на деньги ЕС покрывающая Финляндию газовая сеть и для Терийоки, т.е. Финляндии, хотя и арендуемой Финляндией возникал ведущий в мире технический университет. А рядом с ним активная и брызжущая идеями по разработке продукции группа предприятий, которая производила бы миру столь нужное ему основанное на открытом исходном коде программное обеспечение. В дверях еще выдал, что если «зеленые» подкинут какую-нибудь ерунду, приостановится строительство Петербургских очистных сооружений. Когда премьер-министр крикнул в коридор вслед Палле, что откуда, мол, русские найдут на это деньги, Палле ответил, что эти деньги найдет союз.

Если бы не нашли, жена немецкого комиссара до конца жизни мыла бы волосы холодной водой.

ЭПИЛОГ

О чувстве юмора у бога даже по окончании этого проекта не получено подтверждения. Забавным у Укко было, наверное, завязывание семейных связей, но с другой стороны некий здравый смысл всё же был. Что если Укко, как ни странно, предпочитает финнов перед другими народами? Поскольку он, слышать, на стороне маленьких людей. В масштабе мира Финляндия маленький человек, сравнительно с ЕС и Россией. Если же оглянутся назад, то видно, что на этот раз Укко положил больше всего помощи Финляндии. Иногда была на очереди Россия, в другой раз Германия или какая-то другая из больших западных стран, а теперь опять Россия. Они в своё время помогли маленькой Финляндии получить справедливое обхождение больших стран.

Что до чувства юмора у Укко, то конечно оно было, так как Укко всегда мог лишь помогать, хотя финны верили, что добиваются всего сами.

Аренда Терийоки, конечно вызвала серьёзное сопротивление в Финляндии, хотя она была полезна всем. Несмотря на возражения, это дело было полностью осуществлено. Прокладке газовых труб старались противиться, ссылаясь на белоспинных дятлов и беличьи союзы, но и это сопротивление заглохло, когда Союз «зеленых» несколько раз намекнул этим крикливым женщинам, что русские могут прекратить строительство станций биологической очистки, а вместо этого продолжить канализацию на запад Финского залива. Женская же хунта Союза Зеленых понимала, ценность природы, что гораздо лучше купаться в проруби, если Петербургскую канализацию удастся закончить не в десятке метров от ее края. Ведь на другом конце трубы делали свои дела 10 миллионов русских.

«Зеленые»-мужчины также принялись поддерживать газопровод, понимая, что если газ будет доступен в больших количествах и по умеренным ценам, то решения о строительстве 10-й атомной электростанции не понадобится в том же году. В лучшем случае этому можно противиться с десятков лет, как это было сделано с 5-й. Так как Союз «зеленых» существует лишь для сопротивления, было бы хорошо, если бы существовало такое дело, которому можно было бы сопротивляться долго, чтобы не пришлось находить для этого что-то новое.

По готовности газопровода, газоконденсаторного предприятия и газовой гавани Ханко превратился из сонной депрессивной общины в растущий промышленный город. Газоконденсаторное предприятие собрало вокруг себя небольшие биохимические предприятия, из которых с годами в Финляндии возник биотехнический кластер. В нем не было изобретено лекарство от рака, но многие разработанные в мелочном честолюбии товары отправлялись оттуда на мировые рынки. Когда город опять оказался в списке живых, отношение отцов города к дачевладельцам стало благосклоннее. По предложению Матти Пуйкко газопровод проведен вдоль Аппельгренин-тие к гавани. Правда, он и здесь проведен под землёй, а не поверху, как предлагал Матти. Город разделился на две части: Ханко постоянных жителей к северу от трассы и сонной идиллии богатых пенсионеров к югу от неё.

Купившие узорчатые дачи жители Хельсинки позднее принялись переводить свои чековые книжки в Ханко, так как обслуживание престарелых в Ханко было лучше и гуманнее, чем в Хельсинки. Матти Пуйкко продал свою дачу в Ханко и вложил деньги в новую дачу в Терийоки. Для надежности Матти купил там дачу, у которой уже была башня.

У Матти была причина, по которой Терийоки казалось более привлекательным дачным местом, чем Ханко. Не то, чтобы у него была тайная злоба на Ханко. Скорее наоборот. Другу Палле он заметил, что иногда имело смысл полежать в гамаке, хотя и не знал почему. Расслабление могло вести к чему-то другому и как раз туда, куда надо. Без идеи о башне он никогда не встретил бы Миру. И если бы он не встретил Миру, как теперь он был бы обручен и жил бы в основном вместе с нею в терийокской даче?

Конечно, у бога должна быть некая слабость в отношении финнов. Иначе вряд ли Укко захотелось бы взяться втихомолку свести финского мужика и очаровательную русскую женщину? Матти вряд ли подошел бы, иначе как мимоходом столкнувшись с нею. Требовался общий проект,

чтобы Мира удосужилась заметить, что хотя Матти снаружи и выглядел сильным и энергичным, внутри он был маленький и чувствительный человек. Такой, о котором женщина привыкла мечтать, и кому хотелось бы уделять заботу и обхождение.

Дача Матти располагалась на предусмотренной Василием для друзей дачной территории недалеко от берега. Василий понимал, что человеку должно быть видно море, хотя бы с башни. Те же люди, которые приобрели дачи строили свои дачи на новой территории. Так как у этих самых тихих в мире влиятельных людей были свои щупальца повсюду, в Терийоки быстренько переместились отделы по разработке новой продукции международных предприятий. Со временем в мире было замечено, что другой мир может использовать высокий уровень обучения у русских, и Терийоки предоставляют для этого великолепные возможности. Фирма Пуйкко разместила там свой новый филиал программирования, из которого с годами вышел ведущий в мире проектировщик архитектуры открытого кода. Никому, даже международным предпринимателям не показалось странным, что главным в мире гуру стал Аапо Пуйкко. Нет, хотя сфера считалась, вообще говоря, ареной борьбы молодых людей. Девизом промышленности всей территории стали присловье Аапо: «Машины делаются человеком для людей, такими же должны быть и программы».

С годами Аапо избран старшим советником во многих предприятиях. Часто по вечерам в парке Терийок можно видеть старого человека, чертящего своей палкой на песке дорожки схемы, которые тесная группа молодых людей снимала на свои мобильники. Разработка новой продукции была в порядке вещей. Нужен был лишь человек, у которого была бы идея, и который мог бы объяснить её людям.

Терийокский университет стал ведущим в мире высшим технологическим учебным заведением. Вначале туда переехали из больших европейских городов 333/334 и Петербургского университета профессора, а позднее, когда распространилась слава, профессора из Индии и Китая. Предложено не расширять университет так же быстро, как рос интерес к нему среди молодых учащихся. В университет сотнями стремились абитуриенты из-за его педагогических возможностей. Было решено, чтобы университет начал широкое и тесное сотрудничество с предприятиями этой сферы. Средние годы подготовки оказалось возможным снизить до пяти лет, а актуальность содержания была настолько гарантирована, что учащиеся участвовали в создании новых технологий в смежных предприятиях этой сферы. Вообще же сведения о новых технологиях достигали университета сразу же, как это было изобретено и пушено в продажу.

Успех университета свободного города вызвал брюзжание в других финских университетах и высших школах. Но со временем и они воспользовались примером Терийоки. Не отстали в этом и в университетах матери-Финляндии – длительность обучения сократились с 10 до 7 лет, а содержание обучения изменилось так, что подготовленные на его основе и в финских университетах стали находить работу.

Статус Терийоки как зоны свободной торговли официально утвержден в Европейском союзе, и Терийоки получил постоянное место в Европарламенте. Палле старался получить для Терийоки и своего представителя, но на это не согласились ни Ганс, ни Жан. На следующих выборах в Европарламент представителем Терийоки в Брюсселе избран Лассе Лехтинен, так что у Финляндии стало по существу два чрезвычайных представителя. Лехтинен и Арии Ватанен. Прочие европарламентарии, конечно, завидовали Лехтинену и Ватанену. У Лехтинена в ведении были дела совсем правильные и на территории сильная поддержка. 334/335 Ватанену же завидовали потому что он каждый раз попадал в длинный список в парламент, не надо было ему проходить дорогую и утомительную избирательную кампанию.

После того, как сопротивление аренде Терийоки заглохло репутация премьер-министра невиданно возросла. В отдельных «гэллопах» [(выборочных опросах для выявления общественного мнения)] он был предпочтительнее действующего президента или Йормы Оллила. Публичная экономика Финляндии несколько лет была в равновесии отчасти из-за поддержки ЕС, но всё же главным образом потому, что оживившаяся предпринимательская деятельность в Терийоки оживила предпринимательскую деятельность и в Матери-Финляндии.

[...]

Василий был доволен тем, что найдено было, наконец, решение проблемы. Горячо благодарил он Палле за то, что тот углядел это место рядом с Петербургом. Как большой патриот, Василий видел, что подобная Терийоки зона свободной торговли служит живым примером для всей России. Ведь у русских было умение и желание что-то делать, была бы возможность. Много летних вечеров Палле с Василием лежали в саду дачи, разговаривая о делах. В результате на границе России и Китая позднее возникла подобная же зона свободной торговли и филиал Терийокского университета.

Однажды вечером Василий качался в своём гамаке тише обычного. Палле знал, что это означает. Рождалась новая идея. Наконец, Василий начал долгий монолог о том, как, по его мнению, не ценят в мире изобретательность русских, добавив, что то же касается и финской изобретательности. Взвешивая возможные «за» и «против», Василий констатировал, что как ни важна промышленность, изобретательность, культура и искусства важнее всего для самочувствия народа. Страна, которая производит лишь товары как бы то ни было успешно, утрачивает свою душу. Товар можно производить где угодно, а национальную культуру можно развивать лишь на родине. Заметив, что Палле слушал его размышления, Василий, наконец, сердито буркнул:

- Палле, и тут кое-что делают, если на это остаётся время. Русские и финны вместе.